

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Марина АЛЕКСАНДРОВА

СМЕРТЬ НЕСУЩАЯ.
ДАР ГРАНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

После трагической гибели брата, после предательства любимого мужчины, после того, как повелитель вампиров объявил на нее охоту... все, что остается юной демонице — это пуститься в бега. Ее гонит страх, боль потери и предательства, желание спрятаться от всех и вся. Но не всегда получается так, как хотелось бы. А желание Мары потеряться в человеческих землях лишь поможет ей найти себя, примириться с собственной натурой, встретить того, кто зажжет в ее мире луч надежды, воскресит ее сердце и заставит поверить, что возможно все! Впереди новая цель, и борьбу за нее поможет начать всего один дар — Дар Грани.

Марина Александрова

Смерть Несущая. Дар Грани

Она с трудом опустилась на колени, кряхтя и держась за спину. С каждым днем ей становилось все хуже. Подумать только: еще год назад она без труда могла пройти от дома старосты до своего, сейчас же ей казалось, что этот путь бесконечен. Тяжелая одышка немилосердно разрывала грудь. Сердце старой травницы начинало сдавать. Нет-нет да и замрет в груди, чтобы через секунду понестись невероятным галопом, наверстывая упущенное. От таких скачков кружилась голова, все тяжелее было собирать травы и заботиться о людях, что жили в Пограничье. Не говоря уже о том, чтобы самой справляться с хозяйством.

Сколько же ей еще отведет времени на этом свете всемилостивая? Для чего удерживает она ее душу в старом больном теле? Ведь вылечить свои хвори Рэйна уже не сможет, что бы она ни делала. Да и не болезнь стоит по ночам у изголовья ее постели, то старость пришла неожиданно, а теперь осталось лишь дожидаться, когда появится ее лучшая подруга — смерть. Но не пугало все это травницу. Она молилась в это утро лишь о двух вещах.

— Великая богиня, — дрожащим голосом говорила Рэйна, — прошу тебя, не забирай меня к себе до окончания зимы. Не выживет Пограничье без меня, когда придет время лихорадки. Прошу милости твоей. Не для себя — для людей прошу. Приди за душою моею в одну ночь, не позволь мне лежать беспомощной. О легкой смерти прошу. С первой капелью прими меня в свои чертоги. — Дрожащей рукой нарисовала травница святой знак в воздухе и низко склонилась так, что коснулась лбом холодного деревянного пола.

Тяжелый выдох со свистом вылетел из ее груди. Неужто когда-то (порой кажется, что еще вчера) она и дня не могла усидеть дома? Все старалась переделать как можно больше дел, чтобы вечером надеть свое самое красивое платье, вплести в длинные темные косы цветы и пойти на летнее гулянье. Там ждал бы ее Янок, с которым они бы бродили всю ночь до утра, а домой она вернулась бы счастливая, с распущенными спутанными волосами и в помятом платье...

Скривившись от резкой боли в спине, Рэйна тяжело оперлась рукой о лавку, что стояла сбоку от нее, и очень медленно поднялась. После чего положила ладони на спину и кое-как выпрямилась.

— Ух, — облегченно выдохнула женщина. — Все хуже и хуже с каждым днем. Не ровен час, и впрямь помру, не дождавшись весны, — сипло прошептала она. — Надо бы хоть снадобья перебрать да начертать, что и по какой хвори принимать.

Привычка говорить с самой собой появилась у травницы не сразу. Но годы, что она провела в одиночестве, сказывались все сильнее. Особенно остро она ощутила, что совсем одна, когда стала реже покидать родной дом. А в тиши стен ей отчего-то начинало казаться, что она превращается из человека в часть интерьера. В нечто неодушевленное, ненужное и всеми забытое.

Из размышлений травницу вывел дробный стук в дверь. Рэйна невольно вздрогнула, сама не понимая, что ее так напугало, и медленно, прихрамывая на правую ногу, отправилась открывать.

Ее дрожащие пальцы отчего-то совершенно отказывались слушаться в это утро, но, кое-как совладав с необъяснимым страхом, она все же сумела отодвинуть засов и распахнуть дверь. Та жалобно скрипнула, когда порыв холодного ветра подхватил ее, вырывая из

не слишком-то сильной хватки хозяйки, и обрушил на стену. Рэйна уже было потянулась, чтобы схватить ручку двери, как ее опередили.

Знахарка не сразу поняла, что происходит. Она подслеповато сощурилась, чтобы убедиться, что ей не кажется, как тонкое женское запястье легко прикрывает дверь. Травница медленно, несмело подняла взгляд и едва не закричала в ужасе, но вовремя заслонила дрожащей ладонью рот.

«Неужто сама смерть пришла ко мне?» — пронеслось в голове пожилой женщины.

Незнакомка, что в это утро появилась на пороге ее дома, и впрямь походила на смерть. Во всяком случае, именно такой ее и представляла себе Рэйна.

Высокая стройная фигура была затянута в черное длинное платье, что особенно нереально смотрелось в ореоле падающих с небес снежинок. Белоснежные локоны развевались на стылом ветру. Кожа ее была словно снег, а яркие алые губы казались измазанными в крови. Темные круги залегли под глазами, которые, будто две яркие звездочки, сверкали в предрассветной мгле.

— Не бойся, — сказала она. — Это я, Мара.

Не сразу женщина смогла понять, что ей сказала незнакомка, настолько поразила ее сама нереальность происходящего. Какой нормальный человек станет разгуливать в лютый мороз, что властвовал на севере Ирэми практически круглый год, в одном платье? Тем более в таком?! Да и внешность девушки была столь необычной, что даже у пожилой травницы перехватывало в груди, стоило лишь взглянуть на незнакомку. Она была необычной. Красивой и в то же время пугающей. На нее хотелось смотреть, восхищаться ею. Но отчего же тогда Рэйну так тянет спрятаться в самый дальний уголок дома, где странная незнакомка не смогла бы найти ее? Хотя где бы травница ни спряталась, от этой девы ей не скрыться. Она знала это, чувствовала на каком-то подсознательном уровне.

Когда же Рэйна осознала, каким именем представилась девушка, то едва смогла поверить в правдивость ее слов. Неужели эта невероятная гостя — та самая девочка, которую ей в свое время приходилось вытаскивать с того света каждую зиму? Разве так бывает?

— Д-дочь кузнеца? — кое-как проговорила травница.

— Да, — коротко ответила она.

И тут Рэйна поняла, что на улице не то что холодно — лютый мороз. А девушка — в одном легком платье!

— Заходи скорее! — засуетилась старушка, пропуская нежданную гостью в дом.

Девушка буквально впорхнула в дом. Она шла, гордо неся себя, и не скажешь, что провела столько времени на морозе. Ее не трясло, казалось, что она вообще не чувствует холода. Но ее кожа была белее снега, а кончики волос покрыла изморозь.

— Я сделаю тебе отвар, — сказала женщина, направляясь к печи, на которой уже закипал чайник. — А ты не стой, девонька, проходи и садись к печке ближе. — Хоть Рэйну и снедало любопытство, что же привело девушку в их края, да еще в таком виде, что-то подсказывало ей, что с вопросами спешить не стоит. Не время.

Мара сидела на простой деревянной скамье несколько часов. Ее тонкие пальцы бережно сжимали давно уже остывший отвар, а взгляд упирался куда-то на дно кружки, что была в ее руках. Она молчала, а травница не пыталась начать разговор. Вместо этого старуха положила на колени пряжу грязно-серого цвета и начала сматывать нитки в клубок.

В какой-то момент девушка вздрогнула и резко выдохнула, словно вынырнула из омота

собственных мыслей.

— Ты, должно быть, хочешь знать, почему я оказалась сегодня утром на твоём пороге? — холодно спросила она, не поднимая глаз на Рэйну.

— Почему оказалась, потому и оказалась. Коли есть такая нужда, то поделись, — сказала старушка, подкручивая грубую нить.

— Нужда? — задумчиво произнесла девушка, — Пожалуй, есть, — сделала она маленький глоток уже остывшего отвара. — С похорон я к тебе пришла. Знаешь чьих? — Мара одарила Рэйну равнодушным взглядом, от которого по спине травницы побежали мурашки. — Кима, — хмыкнула она и криво улыбнулась.

После этих слов Рэйне стало окончательно не по себе. А уж когда девушка начала свой рассказ, старуха и вовсе не знала, куда себя деть. Мара все говорила и говорила, пусть Рэйна с трудом понимала и половину того, о чем рассказывала гостья, но и того, что удалось понять, травнице хватило бы на всю оставшуюся короткую жизнь. Они (а точнее, Мара) проговорили до самых сумерек. Рэйна слушала и не могла найти в себе силы пошевелиться. Ей было и интересно, и грустно, и жутко от понимания того, кто перед ней сидит. И было очень жаль погибшего сына кузнеца. А еще она не понимала, что же делать с полученными знаниями.

— Что же теперь, девонька? — с замиранием сердца спросила старуха.

— Теперь... — глубоко вздохнула Мара. — Ухожу я теперь. Далеко ухожу. Но мне нужна помощь, Рэйна. Поможешь?

— Помогу. — У старухи не возникло ни единой мысли отказать, хотя и соглашаться ей хотелось не больше.

В густых предрассветных сумерках стройная девушка, которая за эту ночь превратилась в жгучую шатенку, вышла из дома пожилой травницы. А с первыми лучами солнца этот мир покинула и сама травница. Она просто решила прилечь после ухода странной гостьи. Проснуться ей было уже не суждено.

На север Ирэми пришла весна, слишком ранняя для этих мест.

Глава 1

Как же приятно пить холодный чай и радоваться солнечному дню. Темный напиток переливался янтарными бликами в белой чашке из тончайшего фарфора. Я сидела на открытой веранде, что примыкала к огромному особняку, уютно расположившемуся в самом центре сада. Вокруг поют птицы, солнышко путается в распущенных волосах, на мне — легкое белоснежное летнее платье. На плечи падает тень от зарослей дикого винограда, что вьется по плетню за моей спиной.

— Здорово, да? — раздается знакомый мужской голос.

— Ага, — легко соглашаюсь я и поворачиваюсь лицом к собеседнику.

Ким улыбается мне так открыто и весело, что и я не могу сдержать ответной улыбки. Он сидит напротив меня, одетый в белую легкую рубашу и просто скроенные льняные штаны. Вот только алый шарф, туго повязанный на шее, не слишком гармонирует с общей картиной.

— Чей это дом? — спрашиваю как бы невзначай.

— Мой, — отвечает он.

— Не знала, что у тебя есть дом, — задумчиво сказала я. — Когда ты его купил?

— Я и не покупал, — хмыкнул брат. — Мне его подарили.

— Подарили? Кто? И ты принял? — Вопрос рождается за вопросом.

— Ну, конечно, принял. А кто... Не помню, Эм, — задумчиво отвечает он, непроизвольно оттягивая шарф на шее, словно тот мешает ему дышать. — Угощайся, — тут же переключает он мое внимание на вазу с фруктами. — Сам собирал, — улыбается Ким, подвигая ее ближе ко мне.

Я даже отсюда чувствую, как дурманяще пахнут алые яблоки, но стоит взглянуть на них, и их румяные бока начинают чернеть, а тонкая прозрачная шкурка сморщивается, покрываясь зеленой плесенью. И не чай налит у меня в чашке, а густая темная кровь.

Не скрывая ужаса во взгляде, смотрю на брата, а он, словно не замечая ничего, протягивает руку, берет одно из яблок и подносит его ко рту.

Хочу крикнуть ему, что это нельзя есть, но не могу издать ни звука.

Ким с удовольствием откусывает мякоть уже разлагающегося плода и переводит взгляд помутневших глаз на меня.

— Вот так и живу, Эм. А тебе пора вставать, — как бы между прочим произносит он.

— Ч-что? — пытаюсь переспросить я, но окружающий пейзаж вдруг подергивается дымкой, а меня выкидывает из сна, словно рыбу на берег.

Ртом хватая воздух, я пыталась отдышаться и прийти в себя. Сделать хотя бы один нормальный вдох казалось очень сложно. Спертый нагретый воздух чердака, где я сейчас находилась, делал эту задачу практически невозможной. На дворе была середина весны. Крыша таверны, в которой я жила уже добрых два с половиной месяца, за весь день нагревалась до невероятных температур. И несмотря на настезь распахнутое окно, спать на чердаке было практически невозможно. Мое тело покрылось липким холодным потом, белоснежная простыня была смята, а точнее, скаталась в один непонятный клубок. Но больше всего мне было не по себе из-за сна, который мучил меня уже не первую ночь подряд, заставляя вскакивать задолго до восхода солнца. Уснуть после пробуждения я уже давно не пыталась.

Каждую ночь я видела Кима. Иногда мне снилось детство, проведенное в Пограничье. Эти сны я любила, после них оставалось сладостное послевкусие с легким оттенком грусти. Но чаще я встречалась с ним в саду у огромного белоснежного особняка с коричневой крышей. За все это время он так и не пригласил меня внутрь. Думаю, оно и к лучшему. В Ирэми считается, что зайти в дом покойного означает скорую смерть. В это верила моя мать. Я же — нет. Ведь сны — всего лишь сны, так ведь?

Столько дней прошло с того утра, которое я встретила у костра в горах Пограничья... Тогда была страшная метель, и мне иногда кажется, что тот снег до сих пор кружит где-то глубоко у меня в душе. Вот даже сейчас, на улице жарко и душно, а я замерзла...

Вспоминая прошлое, я порой думаю, что и не со мной это было. Всего-то семнадцать лет мне было тогда, а ощущения такие, что за это время я прожила совершенно иную жизнь.

Из Пограничья я ушла ровно через сутки после похорон брата. Если бы не практичность, с которой подходила моя демоническая натура к любой ситуации, то ушла бы и раньше. Но, здраво рассудив, что в одном платье и вечерних туфельках далеко не уйдешь, я решила наведаться в деревню. Как я и ожидала, мой родной дом был пуст, а деловитая Нимария не оставила в избе ничего, кроме старого веника и дырявого ведра. Вспоминая тот момент, когда переступала порог родного дома, я до сих пор не могу понять, что со мной тогда происходило. Я знаю, как должен вести себя нормальный человек в такой момент: плакать, переживать... Ну хоть что-нибудь чувствовать! Я читала, как героини романов, возвращаясь в родные дома, где давно не были, потому как судьба-злодейка, не щадя, швыряла их по свету, трогали стены, вспоминая моменты радужного детства, плакали, опять вспоминали. Но ведь человеком я не была, может, потому и не чувствовала ничего? Зашла, осмотрелась, вышла, не найдя ничего, что могло бы мне пригодиться.

Решение пойти в дом травницы было неожиданным, но самым разумным. И не потому, что я испытывала к ней что-то, а потому, что была уверена: ей можно доверять. Все же ей не раз приходилось вытаскивать меня с того света. К тому же я часто помогала ей с травами, да и вообще, люди хорошо относятся к тем, кого им приходилось нянчить и спасать. И я не ошиблась. Правда, сначала Рэйна едва не потеряла сознание, узрев меня на пороге дома. Но все обошлось.

Травница впустила меня в дом, пыталась накормить, но к еде я так и не смогла прикоснуться. А затем что-то надломилось внутри, и я заговорила. Рассказала ей все, с того самого момента, как я и Ким покинули Пограничье. Она слушала и не перебивала, а потом, так же ни о чем не спрашивая, помогла мне собраться в дорогу. Поняв, что меня, скорее всего, будут искать, достала с одной из полок толченый корень какого-то дерева, заставила намочить голову. После чего долго втирала порошок в волосы. Так я стала шатенкой.

Правда, не обошлось без сюрпризов. Мой натуральный цвет волос буквально сжигал краску, и ее приходилось наносить каждые четыре дня. Еще Рэйна остригла мои волосы где-то по лопатки, но они отросли до прежней длины за неделю. Потому теперь я стригла их постоянно.

Травница дала мне сапоги мехом наружу с плоской удобной подошвой, теплую куртку на заячьем меху, брюки, рубаху и несколько простых домотканых платьев. Не бог весь что, но без этих простых вещей мне было никак не обойтись. Рэйна уложила запасные вещи в заплечный мешок, добавила к ним нехитрые припасы и кое-что по мелочи. Я же аккуратно уложила туда свое красивое платье, чудом уцелевшее в эту ночь, и сумочку. Туфли пришлось выкинуть.

Уходя из Пограничья, я чувствовала, что за моей спиной закрывается плотная, невероятно тяжелая дверь. Дверь, за которой остался не только мой названный брат, но и любовь, молодость, счастье, радость. Что ждет меня впереди, я не знала. Я просто шла, по колению утопая в снегу, иногда проваливаясь по пояс. Но все равно продолжала упорно двигаться вперед. Не знаю, почему я решила уходить через лес. Возможно, подсознательно хотелось, чтобы мне было тяжело идти, жить, существовать. Казалось, что смерть Кима тяжелым камнем вины легла на мои плечи. Предательство и обман Дрэя удушливым грузом сдавили грудь, мешая дышать. Я чувствовала себя виноватой не только по отношению к брату, но и к женщине, что воспитала меня. Как я могла похоронить Кима, не сказав ей об этом? Самое ужасное, я не могла найти в себе силы отправиться в Карген, постучать в ее дверь и рассказать, что с нами произошло. Слишком пугало меня то, что пришлось бы увидеть в ее глазах. Малодушно, я знаю, но на подвиги сейчас я была не способна.

— Моя вина, моя вина, — бормотала я себе под нос, все дальше забираясь в снежные дебри северных лесов. Однажды я приду *куда-нибудь*, но сейчас я должна была *просто идти*. Хоть куда-то.

Три дня я плутала, не разбирая дороги, двигаясь по наитию, без сна и отдыха. Человек бы замерз, не выдержав такого перехода, но ведь я не была человеком. Сейчас мне все больше казалось, что меня нет. Есть тело, которое движется вперед, преодолевая препятствия, а мое «я» сжалось в маленький комочек где-то на задворках сознания, умоляя не тревожить его, дать ему отдохнуть, забыться.

Дикие звери практически не встречались на моем пути. Словно предчувствуя, что такая добыча им не по зубам, они очень тихо обходили меня стороной. Но я слышала, как испуганно замирает волчье сердце, стоит чувствительному носу уловить мой запах. Как шуршат по рыхлому снегу десятки лап, стараясь как можно скорее миновать неожиданного чужака. Все это отмечалось мною на подсознательном уровне, улавливалось и откидывалось как нечто, не имеющее значения. Я шла вперед, не обращая внимания ни на что вокруг.

Иногда студеный ветер поднимал снежную бурю, так что даже с моим острым зрением не было видно ничего вокруг. Острые, словно маленькие иголки, снежинки впивались в обветренное лицо, проникали за меховой ворот куртки. Это ненадолго приводило меня в чувство, заставляя ежиться, осматриваться по сторонам. Но я вновь продолжала идти вперед. Не знаю, сколько еще я смогла бы так пройти, не обращая внимания ни на что вокруг, сосредоточившись на собственной боли утраты и мыслях. Думаю, довольно долго. Но вот как сильно это сломало бы меня, я не знаю. Мне необходима была встряска, которая вывела бы мой организм из странного оцепенения. Своеобразная пощечина судьбы, выбросившая меня в реальность из окутавшего разум забвения.

Как ни странно, но жизнь порой знает куда лучше нас самих, что нам необходимо в тот или иной момент. Так произошло и со мной. Третьи сутки моего путешествия приближались к концу. Картина вокруг оставалась неизменной. Куда ни глянь — белоснежный ковер, укрывающий землю. Ели-великаны, стоящие друг к другу так близко, что кажется, будто они поддерживают собратьев своими мохнатыми зелеными лапами. Меховые рукавицы и сапоги уже давно не спасают от всепроникающего холода. На небосклоне замер золотой кругляш морозного солнца, а сознание мое, кажется, уже начинает путаться. Вот я иду, иду, выбираясь из снежных сугробов, и так — без начала и без конца. Но вдруг что-то меняется, потому как я проваливаюсь в снег почти с головой и начинаю задыхаться.

Неловко перебираю ногами, пытаюсь вырваться из морозного плена, в то время как снег

вокруг меня с какой-то явной неохотой приходит в движение. И с каждой секундой начинает двигаться все активнее, пока в какой-то момент не взрывается яростным ослепительно-белым фонтаном, обнажая исполинских размеров хищника, дремавшего в берлоге в ожидании весны. Неистовый рев оглашает все вокруг, а я вижу, как надо мной, словно из ниоткуда, возвышается медведь. Его фигура заслоняет собой солнце, а я нахожусь так близко, что могу в мельчайших подробностях рассмотреть его темно-бурую шерсть, в которой застряли маленькие веточки и пожухлые листочки. Смотрю на него, словно со стороны наблюдаю за происходящим.

Должно быть, я так и продолжала бы смотреть, если бы в какой-то момент хищник не решил напасть. Огромных размеров когтистая лапа обрушилась мне на лицо, и я отлетела в сторону. Кожу обожгло, словно огнем, и я почувствовала, как что-то горячее и липкое начинает заливать шею. В глазах потемнело. Но именно боль привела меня в чувство. Вероятно, кости мои были на порядок крепче человеческих, потому я сильно не пострадала. Зато организм тут же переключился в режим нападения.

В считанные секунды скинув рукавицы и стесняющий движения заплечный мешок, я поднялась на ноги. Зверь тоже не терял времени, подбираясь ко мне все ближе.

Вот так, посреди заснеженного Северного леса, оказались мы лицом к лицу: медведь, пребывающий в ярости из-за того, что был потревожен, и изнывающий от голода демон, в своем роде тоже разбуженный от странной спячки. У каждого из оружия были лишь клыки, когти и свирепая сила дикой природы. Схватка не была долгой. Зверь сделал прыжок по направлению ко мне. Я легко ушла из-под его когтей, оттолкнулась ногами от земли со всей силой, на которую была способна, и в то же мгновение оказалась на спине хищника. Мы оба рычали: зверь — в беспомощной ярости, когда мои руки сомкнулись на мощных челюстях и начали разводить их в стороны, я — от сладкого предвкушения чужой крови, столь будоражающей нервы. Зверь не мог сопротивляться долго, и когда сперва легкий щелчок выворачиваемой челюсти, а затем и хруст ломаемых костей достигли моего слуха, а огромный медведь как-то неожиданно обмяк и повалился на снег, я наконец поняла, что сотворила.

Зимний лес накрыла глухая тишина, в которой эхом раздавалось мое хриплое дыхание. Я сидела на коленях, привалившись боком к медведю, что совсем недавно мирно спал в своей берлоге в ожидании весны. Разве мог этот мохнатый великан подумать, что смерть придет к нему так внезапно и глупо. И придет она не по его вине, а по моей.

— Моя вина, — всхлипнула я, разрывая царящую тишину и впиваясь пальцами в бурую шерсть. — Прости меня, — прохрипела я и расплакалась так, как, наверное, не плакала с самого детства.

Слезы неиссякаемым ручьем текли по уже начавшим заживать от полученной раны щекам. Должно быть, именно поэтому кожу так жгло. А я все просила прощения. Не знаю, к кому я в тот момент обращалась больше — к Киму или к мишке, что недвижимо лежал рядом со мной. Но я все говорила и говорила. О том, как виновата, как хотела бы все исправить, как мне жаль, что все так получилось. В какой-то момент горло начало ощущать саднить, и я стала шептать. Сколько времени прошло с тех пор, я не знала, но вокруг начало смеркаться. Закружился стройный хоровод снежинок, а мне вдруг так захотелось спать, что сил подняться или открыть отяжелевшие веки уже не было.

Это была первая ночь, когда я смогла уснуть, пусть даже под боком убитого мною же зверя...

Очнулась я как от толчка. Резко распахнув глаза, вдруг поняла, что мне тепло и уютно, хотя тело по пояс занесло снегом. Одним боком я как-то по-детски доверчиво продолжала прижиматься к зверю. Кругом царила тьма, но по внутренним часам я понимала, что часа через три уже рассветет. Несмотря на темноту я смогла отыскать не только свой мешок с вещами, но и рукавицы. После ночи, проведенной под боком у мертвого хищника, я, как это ни странно, чувствовала себя отдохнувшей. Мне стало гораздо легче. И уж не знаю, что тому было причиной, бой со зверем или истерика со слезами и завываниями на весь лес, но результат был очевиден. Я начинала приходить в себя.

Умывшись снегом и окончательно смахнув с себя сон, я пришла к выводу, что пора бы выбираться отсюда. Хватит уже, находилась. Да и, если честно, я просто хотела есть! Желудок жалобно заурчал, соглашаясь с моими мыслями.

Конечно, Рэйна дала мне с собой еды, но хлеб, скорее всего, теперь стал не мягче камня, а разогреть его или приготовить что-то другое не было никакой возможности. Во-первых, я решила, что магией пользоваться пока не стоит, потому что иначе вычислить меня для демонов или вампиров не составит особого труда. Во-вторых, разводить костер мне было просто лень, несмотря на голод. И, в-третьих, мне не терпелось вырваться из цепкой хватки леса с его однообразием, царившим вокруг.

Конечно, если мои поиски человеческого поселения не завершатся к полудню, то все равно придется развести костер и попытаться вспомнить, как готовить пищу самостоятельно. Как забавно: когда нужно заботиться о насущном, все прочие проблемы невольно отходят на второй план, уступая место каждодневным потребностям. Стоило мне подумать о том, что я хочу найти человеческое поселение, как разум словно распахнулся навстречу окружающему миру. Сознание будто сорвалось в полет на поиски.

Уже через несколько минут я точно знала, куда мне идти. По моим подсчетам, ближайшее поселение находилось в полудневном переходе. Потому, не тратя времени на размышления, я отправилась в путь.

К полудню я добралась до тракта, ведущего к городу, а уже во второй половине дня вошла в городские ворота. Оказалось, что меня занесло в пограничный Тэймир, расположенный на северо-западе Ирэми. Основным занятием местных жителей была охота, а добываемый мех животных отправлялся на продажу по стране.

Город служил прибежищем для многих изгнанников, которым волею судьбы пришлось покинуть родные края. Но не только люди находили здесь приют: множество нелюдей стягивалось в Тэймир, ища лучшей доли или пытаясь скрыться от соотечественников. Одним словом, занесло меня как раз по назначению. Изгои притягиваются друг к другу, а Тэймир с радостью принимал тех, кто находится не в ладу с законом или собственной совестью.

В Ирэми об этом городе ходили дурные слухи. Еще в детстве отец рассказывал о нем как об обители «разбойников и нечестивцев». Детей пугали, что если они не будут слушаться, то рано или поздно окажутся именно здесь. Конечно, все было не столь драматично, но за Тэймиром закрепились слава определенного толка. Жили здесь и вполне добропорядочные граждане, зарабатывающие на хлеб честным трудом. Но по существу город был предоставлен сам себе. Власть здесь носила чисто номинальный характер.

По размерам Тэймир превосходил даже Карген, но это не делало его более привлекательным местом для проживания простого народа. Город буквально пестрел разнообразием рас. Даже не могу предположить, что именно должны были совершить нелюди в своих родных краях, чтобы потом жить здесь, в человеческих землях, да еще и

в такой глуши. Тем не менее я считала, что мне повезло, раз судьба привела меня именно сюда. В конце концов, случай бывает разный. Могла ли я подумать еще неделю назад, что сама подамся в бега? Конечно нет. Так как же я могу судить о других?

Все эти мысли блуждали в моей голове, а ноги несли меня вглубь города. Улицы были надежно укрыты снежной пелериной, отчего Тэймир казался необыкновенно чистым и даже сказочным. Вокруг меня суетились занятые своими заботами люди и нелюди. А я все шла, по-глупому рассматривая все вокруг, до тех пор пока моего обоняния не коснулся самый завораживающий и привлекательный запах на свете. Так могло пахнуть только оно! Жареное мясо...

Тяжело сглотнув, я попыталась определить место, откуда исходил аромат. Получилось сразу. Прямо вдоль улицы наблюдалось легкое столпотворение. Люди галдели, весело смеялись и что-то живо обсуждали, а над их головами висела давно выцветшая вывеска «Три кабана». Несложно было догадаться, что впереди расположена таверна. Раньше мне не приходилось бывать в подобного рода заведениях. Мне они казались какими-то порочными, что ли? Не знаю, откуда взялось подобное предубеждение. Правда, сейчас мне было глубоко плевать. Я хотела есть, а остальное значения не имело. Потому недолго думая уверенной походкой я направилась напрямик в гости к «свинкам».

Со стороны я походила на оборванку или отшельника-охотника, потому как вид у меня был диковатый. Сапоги мехом наружу, заячий полушубок с глубоким капюшоном, меховые рукавицы, мешок из грубой домотканой ткани на плечах. Несмотря на то что здесь царила зима, немногим менее суровая, чем та, к которой мы привыкли в Пограничье, сам воздух казался более мягким, отчего мороз не чувствовался столь остро, как в моих родных краях. Люди в Тэймире носили более легкие одежды и позволяли себе ходить с непокрытой головой и некоторые другие вольности, о которых жителям севера оставалось только мечтать в ожидании весны.

Даже здесь, среди отверженных, я казалась чужой...

Подойдя к таверне, внешние двери которой были гостеприимно распахнуты, и не желая больше терять времени, я решительно вошла внутрь. За моей спиной осталась небольшая компания подвыпивших, но весьма довольных жизнью мужичков, которые весело обсуждали, какой славной выдалась последняя охота и насколько выгодно можно будет продать добытые шкуры на предстоящей ярмарке.

Обеденный зал таверны встретил меня одуряющими запахами свежеприготовленной пищи, теплом и ароматом дерева, которым были обиты стены. Необычные ощущения нахлынули на меня. Казалось, что не три дня я провела в холодном лесу, а несколько лет. И сейчас находиться под крышей человеческого жилища было и странно, и приятно одновременно. Недолго думая я устало присела за первый попавшийся свободный стол и расслабленно откинулась на спинку стула. Мешок с пожитками притулился у ножки стула.

Скинув с головы капюшон, я вяло начала осматривать собравшуюся под сводами таверны публику. Были здесь и эльфы, которые что-то яростно доказывали двум гномам, сидящим напротив них и с удовольствием припадающим губами к пухлым кружкам с элем, и люди, свободно общающиеся с оборотнями, обсуждая предстоящую охоту, и даже несколько драконов, хмуро взирающих на собравшихся. Чем дольше я смотрела по сторонам, тем удивительнее казалось мне это место.

Я так привыкла к расовому неравенству, что царило в стенах МАМ, что теперь, глядя на то, как шутиливо человеческий мужчина хлопает по спине вампира, отпуская при этом

довольно скабресную шутку, чувствовала, как земля уходит из-под ног. Перед глазами стояла картина, как сломанной куклой тело брата падает на деревянный пол. Как стекает густая темная капля с уголка губ рыжеволосой женщины, набухает, тяжелеет и камнем срывается вниз.

— Заказывать будем или как? — Грубоватый женский голос вывел меня из размышлений, заставляя ослабить хватку, с которой пальцы сомкнулись на деревянной столешнице.

— Да, поесть, и побыстрее, — не слишком-то учтиво ответила я.

— А конкретнее?

— А что, выбор столь велик? — Отчего-то быть вежливой не хотелось совершенно.

— Ясно. — Дама оказалась понятливой и, судя по всему, привыкшей к выкрутасам местных завсегдатаев. Она уже было развернулась, как я вспомнила то, о чем собиралась узнать в первую очередь.

— Комнаты есть?

— Пока да, но уже к вечеру не будет, — столь же «учтиво» ответила она. — Скоро открытие ярмарки, народу ожидается много и...

— Мне нужна комната, — не дожидаясь продолжения ее рассказа, перебила я разносчицу.

Женщине было далеко за тридцать, вид она имела весьма измученный и уставший. Но так выглядят не те, кто привык к тяжелому труду, а скорее те, кто устает просто жить. Пустой взгляд карих глаз смотрел безразлично и словно сквозь меня. Тусклые волосы выбивались из неаккуратного пучка, а не слишком чистое платье лишь дополняло картину.

— Так подойди к Торрису и заплати, — буркнула женщина и пошла заниматься заказом.

Торрис, хозяин таверны «Три кабана», был полноватым мужчиной средних лет с невероятно пышными усами, которые, вероятно, расценивались им как предмет особой гордости. Во время нашего с ним разговора он постоянно поглаживал их кончиками пальцев и подкручивал.

— Надолго планируешь здесь остановиться? — внимательно осмотрев меня с ног до головы, спросил он. — Если на один вечер, то сразу говорю: комнату не дам.

— Думаю, что неделю точно пробуду. — Я действительно полагала, что задержусь в этом городе отступников не больше чем на неделю.

Хозяин таверны назвал цену, я, особо не торгуясь и понимая, что в предпраздничные дни жилья дешевле мне просто не найти, выложила необходимую сумму. Получила заветный ключ от комнаты и отправилась дожидаться, когда мне принесут заказанный обед. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что мое место уже занято!

Он сидел спиной ко мне, расслабленно откинувшись на спинку стула. Еще мгновение назад точно так же сидела я. На нем была куртка из темной кожи и высокие сапоги, волосы скрывал глубокий капюшон. Вещи на незнакомце были весьма добротные и дорогие, уж что-что, но определить стоимость одежды я была в состоянии. Руки он свел в замок и положил перед собой. Пальцы казались странными — длинными и изящными, но в то же время какими-то большими, что ли. Да и вообще мужчина казался гораздо крупнее, чем многие из присутствующих. Даже не знаю, как описать свои ощущения. Передо мной был стопроцентный человек, не маг, но в то же время человеком он не был... Или все же был? Окончательно запутавшись и откинув малейшие сомнения, я решила отвоевать свое место. Время шло к вечеру, и найти свободный стол сейчас было не то что сложно, а невероятно

сложно!

Обойдя незнакомца со спины, я встала сбоку от него так, что мне теперь был виден его профиль. Без прикрас, я могла бы назвать его одним словом «идеальный». Точеные правильные черты лица, широкие скулы и волевой подбородок. Лицо этого человека было и красивым, и суровым одновременно. Глядя на него, я испытала смешанное чувство неловкости и восхищения и неожиданно поймала себя на мысли, что мне нравится просто смотреть на него. Заготовленную речь я совершенно забыла.

Его кожа в тусклом свете таверны казалась белоснежной, а глаза — цвета золота. В них словно плясали искры огня. Но вот незнакомец, почувствовав мой пристальный взгляд, вздрогнул и прямо посмотрел на меня. И вновь мне почудилось, что реальность куда-то уплывает, а я с головой тону в золоте его глаз, которые то ли из-за освещения, то ли волей моего воображения вдруг становятся просто светло-карими.

— Это мое место, — не слишком уверенно практически прошептала я.

Незнакомец сначала несколько непонимающе посмотрел на меня, потом взгляд его светло-карих глаз приобрел ироничный оттенок, а темная бровь вопросительно изогнулась.

— Правда? — В голосе была легкая хрипотца, но даже она не смогла скрыть насмешливой интонации.

— Да, — уже более уверенно начала я, не в силах перестать смотреть на него. Его глаза притягивали, заставляя думать о чем угодно, кроме того, о чем следовало бы. — Я уже сделала заказ и отходила оплатить комнату. Даже вещи свои здесь оставила, — обличающе указала я пальцем на свой мешок, сиротливо продолжавший дожидаться свою хозяйку у ножки стула, что стоял рядом с тем, который занял мужчина.

— Что ж, я не против компании. — Незнакомец широко улыбнулся, а у меня перехватило дыхание от его такой открытой, по-детски чистой улыбки. Его лицо тоже преобразилось и стало необычайно притягательным, по-мужски обаятельным. Взгляд казался теплым, словно янтарь на солнце.

Что-то странное происходило со мной в этот момент. Вся моя боль и смятение будто бы отступили. Но в то же время в душе я противилась происходящему, говоря себе, что так быть не должно! Столь непостижимо влиял на меня этот совершенно незнакомый мужчина, заставляя бояться его, испытывая странный, неуместный в моем положении трепет, с замиранием сердца всматриваться в суровые и притягательные черты лица. Что-то было в нем такое...

— Ну так что? Присоединишься? — шутливо спросил он.

— А у меня есть выбор? — несколько грубовато ответила я, хотя сделала это скорее из-за внутреннего противоречия, нежели из-за того, что мне на самом деле была неприятна его компания.

Обойдя стол, я села напротив и молча уставилась в стену. Интерьер таверны «Три кабана» можно было бы назвать забавным, этакая смесь охотничьего домика, судя по количеству чучел животных, что были призваны украсить собой стены заведения, и музыкального салона, который каким-то чудом угадывался в дорогом и очень старом фоне, что притаилось в самом темном углу, и бархатных занавесках на окнах. Здесь было тепло, вкусно пахло едой, а собравшаяся публика была весьма благодушной, по крайней мере, на вид.

Наконец принесли мой заказ, а вместе с ним — и заказ соседа напротив.

Когда речь заходила о еде, особенной стеснительностью я не отличалась. Потому без

лишних раздумий я просто набросилась на предложенное угощение. Сперва я даже не ощущала вкуса того, что ела, так сильно была голодна. Казалось, если помедлить хотя бы секунду, то желудок просто свернется в тугую спираль.

— Люблю, когда у девушки отменный аппетит, — хмыкнул кто-то напротив меня.

Признаюсь, на какое-то мгновение я буквально выпала из реальности. Верно говорят на севере: «Голод — единственная истина мира». Сейчас эта народная мудрость была для меня понятна как никогда прежде.

— Лучше смотри в свою тарелку, — рыкнула я, не поднимая глаз.

— Как грубо. — И вновь насмешливые нотки в голосе, правда, сейчас они довольно сильно раздражали.

— От меня вообще не стоит ждать любезности, — пробурчала я, поглощая жаркое.

— Учту, — хмыкнул мой сосед, кладя на стол несколько монет, на которые можно было накормить еще несколько человек.

— Это что? — Его действия заставили меня оторваться от собственной трапезы.

— Могу я угостить ужином симпатичную голодную незнакомку, — нахально улыбнулся он.

— Нет, не можешь, — упрямо заявила я. — Я в состоянии заплатить за еду и не собираюсь принимать деньги от незнакомого мужчины!

— Лео.

— Что? — не сразу поняла я.

— Лео, — повторил он, поднимаясь из-за стола. — Теперь ты меня знаешь, — не дожидаясь моего ответа, он направился к выходу. А я продолжала глупо смотреть ему вслед, не в силах найти ни одного подходящего случаю слова. Хотя одно все же вертелось на языке, правда, приличным назвать его можно было, только если употребить по отношению к мелкому рогатому скоту.

Стоило незнакомцу, точнее, уже знакомому, скрыться за дверями таверны, как в тот же миг рядом с моим столом оказался хозяин. На центр стола упало еще с десяток монет.

— Так бы и сказала, что подруга Лео, — недовольно пробурчал он. — Обед за счет заведения. И вот, — указал он взглядом на монеты, — скидка за аренду комнаты.

В немом изумлении я переводила взгляд с монет на хозяина таверны и обратно. Слов не было. Деньги брать в кои-то веки не хотелось вовсе. Что-то со мной не то...

Глава 2

— Красиво, да? — Родной голос режет душу на части, хотя мне и непонятно почему.

В Пограничье царит лето. Моя самая любимая пора, когда природа пробуждается от долгого сна. Время цветения и жизни. Пробиваются из-под, казалось бы, мертвой земли молодые побеги изумрудно-зеленой травы, птицы выводят дивные трели, а небо над головой такое голубое, что буквально сливается с прозрачной гладью озера Ома. Вот и сейчас, стоя на отвесном берегу и смотря вдаль, я не могу понять, где же кончается небо и начинается водная гладь.

— Да, словно небо утонуло в водах Ома, — отвечаю я, продолжая всматриваться в даль.

— Не смотри так далеко, — небрежно замечает Ким, садясь у моих ног.

— Почему?

— Глаза разболются, — смеется он, прижимаясь головой к моему бедру. — Ты всегда смотришь вдаль вместо того, чтобы просто посмотреть вниз.

— Ты это о чем? — Его философские нравоучения всегда заставляют меня смеяться.

— Мысли о будущем делают тебе больно, мысли о прошлом тоже заставляют тебя страдать, так может, имеет смысл думать о настоящем? — вопрошает он, а я опускаю глаза, чтобы посмотреть на брата. Мое сердце падает куда-то вниз, а в душе все обрывается, ведь взгляд мой упирается в два черных провала на мертвенно-бледном лице. Ветер играет с его волнистыми, но такими блеклыми волосами, солнце отражается на их кончиках, а Ким улыбается мне. И тем страшнее становится смотреть в бездну его глаз.

Солнце еще даже не показалось на горизонте, когда меня словно неведомой силой вытолкнуло из сна. Это был первый раз, когда мне приснился брат. Первый раз, когда мне пришлось ночевать в таверне «Три кабана», первый раз, когда щупальца страха обвили мое сердце во сне.

Мне досталась небольшая комнатка под самой крышей. Тогда я еще не знала, что она будет служить мне домом на ближайшие месяцы. Сейчас я просто пыталась совладать со сбившимся дыханием и неконтролируемым потоком слез. Небольшой отдых помог выйти из оцепенения, что поселилось в душе, а вместе с тем научиться справляться с бушевавшими внутри меня эмоциями. Одно наслаивалось на другое. Потеря брата, предательство дракона... Потом начали вскрываться «раны-мысли» о матери, об отце, братьях, о происхождении... Мысль о Каа'Лиме заставила меня перевернуться на живот и уткнуться лицом в подушку, чтобы хоть как-то приглушить раздиравшие грудь рыдания. Мой дэйург пропал. Я совершенно не могла докричаться до него! Не могла почувствовать его, как раньше. Именно в тот момент, когда я поняла это, пришло осознание: теперь я совершенно одна. После того что я сотворила с дочерью повелителя вампиров, я не могла обратиться за помощью ни к кому, даже к Орэну и Тарию. К первому — потому что не стану так его подставлять, а ко второму — по той же причине и еще потому, что даже Тарий не сможет противостоять своему повелителю. У вампиров в данном случае не может быть свободы выбора. Слово повелителя — закон.

Как бы там ни было, сейчас следовало привыкать к тому, что я теперь одна. Первые несколько дней в Тэймире я провела на чердаке, а точнее, в снятой мною каморке. Лежать на скрипучей кушетке и глядеть в потолок было единственным, чего я хотела. Все мои

стремления, тяга к жизни остались где-то далеко, в стенах МАМ. Днем меня не отпускали воспоминания о прошлом. Перед глазами вставало Пограничье, детство. Казалось, что, несмотря на болезни, счастливее времени не было в моей жизни. Любящие мать и отец, родной дом, такой уютный; Ким, что считает меня родной сестрой и самым близким человеком на свете. Наши шалости, казавшиеся настоящими приключениями, полными опасностей.

Потом перед глазами вставал совершенно другой образ. Волосы, алые, будто кровь, и глаза, такие темные, что можно утонуть в той бездне, которая таится на их дне. И как же сильно в такие моменты мне хотелось почувствовать тепло его рук, услышать его голос, который скажет, что все хорошо, и пообещает забрать боль, притаившуюся в сердце. Но вот на смену тоске приходит ярость, которая затмевает собой все прочие чувства. Наверное, будь он рядом, я не смогла бы себя контролировать.

«Ненавижу», — рычит демон, царапая когтями деревянный пол комнаты на чердаке. И вновь приходит беспмятство. Сон принимает сознание в свои заботливые объятия, постепенно сменяющиеся железной хваткой кошмара, страшнее которого может быть лишь реальность.

С тех самых пор Ким приходил ко мне каждую ночь. Какие-то сны о нем я помнила хорошо и ярко, другие же просто исчезали в предрассветной дымке, оставляя лишь горькое послевкусие и чувство того, что брат до сих пор где-то рядом.

Не могу сказать точно, сколько дней провела я на чердаке таверны, но вывел меня из этого состояния мой самый верный друг, который помогал мне не забывать о том, что я еще жива, — голод. Подниматься с постели не хотелось, но мысли о еде все же пересилили. Наскоро одевшись, я решила причесаться, поскольку волосы на голове сильно походили на воронье гнездо. Именно тогда я поняла, что не все так просто в этой жизни беглеца... Краска Рэйны практически исчезла. Волосы казались дымчато-серыми, с проблесками серебристой седины. Одним словом, «ведьма обыкновенная, одна штука». Накинув на голову капюшон, я спустилась на первый этаж и попросила натаскать мне в комнату горячей воды. Привыкать к тому, что в нашем мире водопровод — это большая редкость, оказалось весьма затруднительно. Вдоволь наплескавшись в тесной лохани, я втерла зеленую кашицу из трав в волосы.

Окрашивание происходило трудно и долго. Во-первых, никак не удавалось распределить смесь равномерно, во-вторых, травка постоянно осыпалась и скатывалась комочками. Да и вообще, мне явно необходимо было что-то помощнее, чем это простое средство.

— На ярмарку собралась, а? — ни с того ни с сего заговорила со мной та самая женщина-разносчица, что обслуживала меня в первый день моего пребывания в Тэймире.

Сейчас она выглядела куда более прилично и опрятно, даже улыбка на ее лице, словно дорогой торжественный костюм, сердечно лелеемый хозяином за створками тяжелого платяного шкафа и надеваемый лишь в исключительных случаях, смотрелась как-то празднично. «Ей идет улыбаться», — заметила я про себя, а сама решила уточнить, о чем говорит эта женщина.

— Ярмарку? — переспросила я, склоняя ее к разговору.

Женщина улыбнулась еще шире, в глазах появился какой-то мечтательный блеск, и тут случилось то, чего я совершенно не ожидала, а с последствиями случившегося была справиться не в состоянии. Разносчица буквально осыпала меня нескончаемым потоком

СЛОВ.

— Ах, ну да, ты же не местная. Сегодня на площади состоится торжественное открытие Тэймирской ярмарки, которая проводится каждый год. Ты даже не представляешь, какое это зрелище, ведь организуют ее нелюди! Артисты, потешные огни, танцы, музыка, веселье! Если бы ты хоть раз видела это, то уж точно не смогла бы забыть! Сюда стекается такое количество народа со всей округи! Люди, нелюди, кого только не будет! А торговые ряды?! На Тэймирской ярмарке можно купить и достать все что угодно! И даже то, что запрещено, — уже шепотом добавила она, подмигнув покрашенным яркими лиловыми тенями глазом. — И только в это время года у каждой девушки Тэймира появляется реальный шанс на веки вечные свалить из этого городишки! Знаешь, как меня достали эти потные мужики, которые каждый вечер хлеблют вонючее пиво в нашей таверне! Разве не достойна я большего? Ох какая из меня вышла бы купчиха!

Разносчица распалась все больше и больше, казалось, еще немного — и она просто даст мне по голове подносом, которым сейчас активно размахивала в воздухе, чтобы я лучше представила, какое же это чудесное место — Тэймирская ярмарка.

— Р-р-рита! — спас меня зычный голос Торриса, что громом прогремел из другого конца обеденного зала. — А ну работать!

Женщина несколько побледнела, пробормотала что-то вроде: «Сходи, не пожалеешь», — и умчалась в сторону кухни.

Идти на ярмарку, будь она хоть трижды самым грандиозным событием в жизни города, не хотелось совершенно. Но мне нужна была краска для волос и кое-что из одежды, ведь скоро весна, а весь мой гардероб остался в МАМ. Как ни крути, а такая ярмарка предоставляет возможность купить вещи по сносной цене. И потом, необходимо осмотреть город. В конце концов, мои маленькие сбережения потихоньку тают и скоро мне придется искать работу.

«Работу?!» — последняя мысль могла вызвать лишь улыбку на лице. Какую работу, если то, что я умею делать, никому в этом городе нельзя показать! Какую работу может найти незамужняя девушка, которая путешествует в одиночестве в том возрасте, когда нормальные родители с родной кровиночки глаз не должны спускать. Такую растерянность я испытывала впервые, когда не знаешь, что делать и как дальше жить. Ведь вроде бы и многое умеешь, и много от природы дано, а как себя проявить в реальной жизни — непонятно. Как заработать на кусок хлеба, если каждый день тебе этот самый кусок кто-то приносит и никогда не приходилось интересоваться, откуда его берут? Взгляд невольно задержался на преобразившейся в честь праздника разносчице. Может, и мне в прислуги пойти? Я тут же отбросила эту мысль. И дело было не в том, что работу я считала недостойной. Вовсе нет. Но вот только что будет с отчаянным посетителем, которому взбредет в голову шлепнуть меня по задку? Думаю, вилка войдет ему в глаз даже раньше, чем я осознаю произошедшее. Нет, надо смотреть на вещи здраво. С моей неуравновешенной психикой работа должна быть либо спокойной, либо такой, где можно выпустить пар. Ну не в вышибалы же идти?! Хотя я бы смогла...

— К демонам все это, — прошипела я, бросив на стол несколько монет, и решительным шагом направилась на улицу.

Свежий морозный воздух взбудрил и придал какой-то непонятной уверенности, что все обязательно будет хорошо. В конце концов, если нет возможности заработать, кто сказал, что нельзя украсть. Глупая мысль о подобном добывании средств к существованию была

немедленно задвинута на задворки сознания, как вариант на *самый* крайний случай. Воровать мне казалось недостойным и крайне унижительным занятием. Все же воспитывали меня совсем не так, и сейчас я к подобному была просто не готова. Просто не дошла до той степени отчаяния, когда другого выхода не видишь.

Город за те несколько дней, что я провела на чердаке, преобразился. Бурлила жизнь на заснеженных улицах, яркие украшения и гирлянды расцвели витрины магазинов; люди, уставшие от зимы и однообразия, покинули родные стены и выбрались наружу в поисках праздника. А главная площадь Тэймира вообще походила на невероятных размеров торжище, где можно найти все, что только душе угодно. Ежегодная ярмарка раскинулась, казалось бы, на всех центральных улицах города, а сердцем ее была та самая площадь. Разного вида люд сновал от одного прилавка к другому, кто-то смотрел представления, что устраивали заезжие артисты, кто-то дивился на товары из соседних государств.

Я шла вдоль улицы, стараясь особо не выглядывать из-под опущенного капюшона. Хоть Тэймир и находился совершенно на другом конце страны, но кто готов поручиться, что меня не будут искать даже в самых отдаленных уголках Ирэми. Тем более вампиров в городе было немало. Откуда мне знать, может, и не изгнанники они вовсе, а обосновались здесь, потому что так кормиться удобней. Тарий рассказывал, что в их стране живет достаточное количество людей, но кровь у них можно забирать не чаще чем два раза в месяц и только у тех, что достигли совершеннолетия. Это считалось нормальным, потому как люди возвращались с мыслью, что их гражданский долг — помогать вампирам. Взамен человечество получало блага цивилизации. В какой-то степени это был такой же налог, который привыкли платить все жители Ирэми своему королю, только с той лишь разницей, что у вампиров подати были кровавыми. Но для каждого вампира приходило время полового созревания, а стало быть, и определенной нестабильности. Точнее говоря, кровожадности. Но кто добровольно согласится отдать на убой своих собственных, здоровых и ухоженных, овец? Вот и вампиры берегли свое стадо, отправляя молодняк во внешний мир до полного созревания. Выжил — значит, молодец, сумел прокормиться; умер — тоже не беда, слабых быть не должно. И если человек убивал вампира в целях самообороны, то в Ирэми это считалось законным. Преследованиям и гонениям он не подвергался. Правда, случалось подобное крайне редко. Но, как бы то ни было, молодых вампиров часто можно было встретить на просторах нашей страны. Жили они в основном в городах и большую часть времени прекрасно владели собой. Приступы безумия случались у каждого по-разному. Кто-то в такие моменты старался убраться подальше от людей, кто-то же, наоборот, открыто выходил на охоту. Но вампир не демон, его безумие гасло так же быстро, как и возникало. Стоило насытиться — и он уже приходил в себя.

Как говорится, у страха глаза велики. Вот и мне казалось, что каждый встреченный мною вампир — это непременно посланный повелителем убийца или охотник, целью которого являюсь именно я. Ну конечно, разве может вампир прийти на ярмарку просто так?

В какой-то момент мне показалось, что за мной следят. Я даже влезла в узкую щель между двумя близко расположенными домами, чтобы скрыться от преследователей, которыми оказалась влюбленная парочка подростков, спешащих на представление, что начиналось на центральной площади. Когда я это поняла, выяснилось, что втиснулась в щель я очень хорошо, но вот чтобы вылезти из нее, моих сил было явно недостаточно. Не пробивать же стену соседнего дома, чтобы освободиться? Вряд ли такой маневр останется незамеченным.

Вот так моя параноя загнала меня в самый что ни на есть угол! Люди продолжали слоняться вдоль улицы, упорно не замечая застрявшую меня. А я так же упорно не желала звать кого-либо из них на помощь. Ну стыдно мне было, если честно. Хотя я сильно подозревала, что просиди я тут еще несколько часов — и мне будет уже совершенно наплевать и на стыд, и на то, что обо мне подумают.

Где-то через полчаса моего сидения в заточении с неба начал падать снег. Маленькие снежинки медленно кружились в воздухе, приводя в восторг гуляющую детвору и делая облик города еще более сказочным. Только вот начавшийся снегопад уменьшал мои шансы быть случайно замеченной. Мой серый заячий полушубок с капюшоном и так служил отличной маскировкой, а тут еще и снег! Нет, с этим надо было что-то делать. Собрав всю волю и терпение в кулак, я начала отчаянно тереться всем телом о стены, отчего-то решив, что если буду дергаться, то непременно продвинусь вперед. Кто же знал, что так можно «втереться» еще глубже?! Капюшон сильнее съехал на глаза, закрыв весь обзор. Кое-как изловчившись, я начала встряхивать головой, как молодая беспокойная кобыла, готовая взять старт. Где-то с пятой попытки капюшон все же поддался и упал на плечи. В этот момент я совершенно точно поняла: еще немного — и стену я все же вышибу. А там будь что будет!

Сделав глубокий вдох и прикрыв глаза, я досчитала до десяти.

«Да, голубушка, только ты умеешь так по-глупому вляпываться! Демоница! Владычица! Клуша ты застрявшая!» — ругала я саму себя.

Открыв глаза, я на мгновение будто выпала из реальности. Он смотрел прямо на меня. Стоял на другой стороне улицы, одетый все в ту же куртку, тот же капюшон скрывал его волосы. Взгляд его словно проникал в самую душу. На лице Лео сначала не отражалось ни тени эмоции, но вот он подозрительно сощурился и наклонил голову, всматриваясь еще пристальнее. По лицу пробежала тень узнавания, и наглая ухмылка коснулась идеально очерченных губ.

Он смотрел на меня, и казалось, что его не слишком-то заинтересовала ситуация, в которой я нахожусь. Все, что этот человек позволил себе, — легкая усмешка. И вновь совершенно непроницаемое лицо. А глаза неотрывно продолжают следить за мной. Глаза, у которых нет дна, но в которых все отчетливее загораются странные искорки. Но вот очередной порыв ветра подхватывает целую россыпь белоснежных снежинок, закручивая их в причудливом вихре, который на мгновение скрывает его от моего взгляда. А уже через секунду я в полном недоумении пытаюсь понять, куда же он испарился. На месте, где только что стоял этот странный человек, уже никого нет. Лишь прохожие продолжают все так же беззаботно слоняться по улицам города, не замечая его невольной пленницы.

«Что ж, похоже, сидеть мне тут аккурат до темноты, а потом выламываю стену и...»

— Привет, — немного хриплый мужской голос ворвался в круговорот отнюдь не радостных размышлений, что царили в этот момент в моей голове. И было в этом «привет» столько жизнерадостности, какой-то дружественной непосредственности, что сперва я даже не поняла, к кому конкретно обращается говоривший. Вроде и встал этот мужчина так, что заслонил собой проход. Вроде бы и ко мне лицом стоит, но столько в голосе радостных интонаций, совершенно не сочетающихся с окружающей меня действительностью...

— Как дела? — столь же легкомысленно поинтересовался Лео, расслабленно привалившись плечом к стене так, что мне стал виден небольшой кусочек улицы.

— Привет, — с совершенно независимым видом ответила я, стараясь подражать

интонациям собеседника. Отчего-то не слишком хотелось, чтобы именно этот мужчина видел меня в подобном положении. Неуместное смущение, что зародилось внутри, вылилось наружу совершенно нелепым радостным смешком. — Все хорошо. А ты как? — сказала и машинально попыталась скопировать позу собеседника и опереться о соседнюю стену. Маневр оказался неудачным. Куртка нелепейшим образом задралась, а мех на воротнике встопорщился и начал некстати щекотать чувствительную кожу лица.

— О, у меня тоже все путем, — беззаботно отозвался он, с непроницаемым видом продолжая следить за моим «позором». — Вот, вышел посмотреть, что стоящего в этом году продают. Может, что понравится. Хотя, — доверительно зашептал он, — чтобы покупать что-то на местной ярмарке, нужно иметь неплохую сноровку по части того, как сбивать спесь с продавцов. Ну и, конечно, ворья здесь бродит столько, что только успевай по слишком шустрым рукам давать. А ты чего? — «непонимающе» посмотрел он на меня.

— Гуляю, — сжав зубы, пробормотала я. Уж больно красноречивым стал в этот момент его взгляд.

— Мм, — кивнул он, — понимаю, уж больно хороший вид здесь открывается.

— Да, вид и впрямь неплохой, — согласилась я.

— Если хочешь, могу показать тебе еще пару мест, откуда наблюдать за жизнью города будет столь же увлекательно, — позволив себе легкую ухмылку, предложил он. Возможно, спроси он это другим тоном, не столь нахальным и многообещающим, я бы согласилась. Бездна меня побери, я бы закричала: «Да!» — и всеми силами попыталась бы протиснуть к нему поближе руку, как и положено благородной даме! Но! Это было сказано с таким выражением во взгляде, что будь у стен, между которыми я застряла, уши и глаза, то первые, несомненно, покраснели бы, а вторые — закатились!

— Спасибо, мне и отсюда неплохо видно, — с царственным достоинством отозвалась я, стараясь не поддаваться искушению и не потереться лицом о кирпичную кладку, чтобы избавиться от желания почесать нос и губы.

— Ну как знаешь. — Беззаботно пожав плечами, он практически повернулся ко мне спиной, собираясь уйти. — Но ты конечно же в курсе, что в нашем городе вечером на каждое здание накладывается сигнальная сеть? — Лео выразительно посмотрел на меня, ожидая какой-то определенной реакции, но, так и не дождавшись оной, продолжил: — Поскольку городок у нас беспокойный, то и сигналки... определенного типа... — все еще надеясь на мою сообразительность, он сделал паузу.

«Сообразительность» дремала и велела ее не беспокоить, потому, глубоко вздохнув, он все же пояснил:

— Будешь прижиматься к чужой лавке слишком близко, тебя нашинкует тонкими ломтиками.

Слова сорвались с моих губ прежде, чем я смогла до конца осознать сказанное им.

— Может, подашь мне руку? Прогуляемся, да и город посмотрим? — неожиданно кокетливо пролепетала я.

Лучи заходящего солнца едва пробивались сквозь щель между плотными бордовыми занавесками. Эдриан вошел в комнату, неслышно ступая по темным полам. Его платиновые волосы были забраны в хвост. На повелителе вампиров был неброский дорожный костюм темно-коричневого цвета. Эдриан пришел сюда скорее по недавно возникшей привычке, нежели потому, что ожидал увидеть какие-то изменения. Взгляд сам собой упал в угол

комнаты, который для человеческого глаза показался бы непроницаемо темным. Но Эдриан не был человеком. И он видел ту, что некогда была его дочерью. Миновало чуть больше недели с того момента, как в его дом пришло несчастье, с которым даже великий и всемогущий повелитель вампиров был не в состоянии справиться. Его младшая дочь, первая красавица двора, превратилась в некое подобие разумного существа. Сейчас она сидела в самом темном углу, поджав под себя ноги и покачиваясь в такт одной ей слышной мелодии. У девушки, несмотря на то, что ее ежедневно причесывали, умывали и одевали, на голове был невообразимый колтун из грязно-рыжих прядей, а совершенно новое и чистое платье, которое надели на нее утром, напоминало лохмотья. Некогда сочные губы были потрескавшимися и сухими. Фрида что-то неразборчиво бормотала или напевала, Эдриан не мог этого понять, даже имея прекрасный слух.

— Если бы ты могла рассказать мне, что произошло, — прошептал он себе под нос. И едва смог увернуться, когда одним стремительным движением к нему кинулась собственная дочь. Обернувшись, он даже несколько растерялся, увидев, как Фрида беззаботно лежит на диване и болтает в воздухе босыми ногами. Эдриан прожил не одну сотню лет, он видел такое, от чего многие бы просто поседели. Но улыбка собственной дочери впервые за долгие годы заставила его сердце учащенно биться.

— Па, — засмеявшись, игриво спросила Фрида, — это ты?

— Я, — коротко ответил он.

— А я знаю, что это ты, — еще громче захохотала она.

Губы Эдриана скривила горькая ухмылка. Каким бы ни было его отношение к Фриде, но она оставалась его ребенком. Он бы предпочел видеть ее мертвой, нежели такой. Но лишить ее жизни *сейчас* он не мог. Кровная месть не совершена.

— Кто же сделал это с тобой... — одними губами прошептал повелитель.

Но Фрида, словно расслышав его вопрос, резко обернулась и пристально посмотрела на отца, выпуская клыки.

— Она что-то сломала у меня внутри, — быстро зашептала девушка, — я не знаю, как, но она сломала меня. Не могу вспомнить, не могу сказать, мысли — их нет! У всех есть, а у меня ничего нет! — С каждым словом Фрида распалялась все больше, нанося удар за ударом раскрытой ладонью по своей голове. От этих ударов на коже вампирши появлялись все новые и новые кровоподтеки, которые стремительно исчезали уже через несколько секунд. — Знаешь, как мне страшно? Знаешь? — На какой-то миг она замолчала, после чего вновь засмеялась и упала на диван. — Котеночка хочу, пап, — захныкала она. — Принесешь?

— Конечно, — глубоко вздохнув, сказал Эдриан и стремительным шагом покинул комнату дочери.

Последнее время повелитель появлялся во дворце лишь вечерами и отнюдь не для того, чтобы отдохнуть. Спал он за прошедшую неделю в общей сложности чуть больше суток, отдавая все возможное время на прояснение ситуации, что произошла с его дочерью в МАМ. Эдриан всегда предпочитал держать все под своим контролем, не доверяя никому и никогда, а если и доверяя, то проверяя. Вот и сегодня после утомительного дня он прибыл во дворец, чтобы проверить государственные дела лично. И сейчас уверенным шагом направлялся в кабинет старшего сына, что должен был замещать его на период поисков и расследования.

Его дети родились достаточно сильными, чтобы удержаться в правящей касте, и это заставляло Эдриана быть еще более внимательным. Официальной наследницей до недавнего времени была Фрида, но сейчас все изменилось. Да и потом, что такое наследник у

вампиров, если они признают только право сильного? Так, формальность, не более. То, что старший сын вскоре решится бросить ему вызов, у повелителя не вызывало сомнений, потому и следил он за ним еще более пристально, чем всегда. Но сейчас вопрос стоял о чести рода, и Эдриан мог быть спокоен, что раскола в ближайшее время не произойдет. С другой стороны, лучше лишний раз проверить.

Эдриан решительно распахнул двери в кабинет сына.

— Приветствую тебя, повелитель, — из-за широкого деревянного стола словно по команде поднялся высокий молодой вампир с волосами цвета воронова крыла, широким разворотом плеч и темно-серыми глазами. Мужчина был на голову выше повелителя. Внешне совершенно разные, отец и сын походили друг на друга куда больше, чем им самим бы этого хотелось.

— Эрик, — коротко кивнув, сказал Эдриан и опустился на первый попавшийся стул. Казалось бы, не слишком подобает повелителю устраиваться у самого входа, но сделано это было так, что Эрику невольно захотелось спросить разрешения сесть, прямо как в детстве.

— Рассказывай, сын, — коротко велел Эдриан. — Документы на подпись дай сейчас, надо прочесть.

Повелитель уже приготовился к кропотливому труду, как Эрик неожиданно заговорил сам:

— Что нового, отец?

Вопрос был задан чересчур поспешно, хоть и нарочито безразличным тоном.

Повелитель холодно посмотрел на сына, про себя отмечая его излишнюю горячность, неподобающую высшим вампирам, но все же соизволил ответить.

— Из МАМ без вести пропали двое студентов, брат и сестра, люди, — сухо излагая факты, заговорил Эдриан. — С парнем у нашей Фриды были *особые* отношения. — Повелитель многозначительно поднял светлую бровь. — В комнате были найдены следы человеческой крови, судя по всему, крови этого парня. Я отдал распоряжение. Тарий и человеческий маг, что приходится этим людям вроде бы дядей, взяты под стражу до выяснения обстоятельств. Сейчас одна наша группа прочесывает юг Ирэми, я же со второй группой — север.

— Север? — заинтересованно переспросил сын.

— Да, мы уловили остаточный след телепорта, и он имеет северное направление. Сейчас сказать сложно, куда конкретно направлялись беглецы, но мы это выясняем.

— Ты уверен, что к этому могут быть причастны люди?

— Нет, но другие варианты проверены и признаны несостоятельными, — весьма сухо ответил вампир, устало потирая пальцами виски.

— А что Тарий?

— Я же сказал: он в тюрьме до выяснения.

— Не слишком ли круты подобные меры?

— Он ответственен за все, что происходит в МАМ.

— Отец, я хочу участвовать в поисках, — немного неуверенно сказал темноволосый вампир.

Эдриан ненадолго замолчал, обдумывая последствия подобного решения. С одной стороны, Эрик был еще молод и горяч. Но, с другой стороны, это было хорошей возможностью удалить его от власти на какое-то время. Да и сам повелитель всегда ставил дела своей страны на первое место, а в связи с последними событиями не уделял им

достаточного количества времени. Это могло вызвать проблемы в будущем.

— Хорошо, собирайся, завтра отправишься в Пограничье Ирэми, там обрывается след.

Короткая реплика, брошенная повелителем, вызвала в душе Эрика невероятный шквал эмоций. Он не смел и надеяться, что отец согласится. Но согласие получено, и у него есть шанс не только восстановить честь семьи, но и покинуть родной дом впервые за долгое время. И такую возможность он не желал упускать.

— Если серьезно, зачем ты залезла в этот проем? — шутливо поинтересовался Лео, хотя взгляд его казался предельно сосредоточенным.

— Просто хотела перейти на соседнюю улицу, но не рассчитала с собственными размерами, — не задумываясь соврала я.

Он вытащил меня из западни, в которой я оказалась по собственной глупости, и сейчас мы мирно прогуливались по торговым рядам. Я с интересом изучала предлагаемый торговцами товар, Лео с не меньшим интересом изучал меня. Я ощущала его пронизывающий взгляд всем своим естеством. Мне было не слишком уютно рядом с ним. И в чем была причина этого, я старалась не думать. В его ли взгляде, предельно серьезном и сосредоточенном? А может быть, во внешности, от которой помимо воли у меня заходило сердце в бешеном галопе? Или в аромате, едва уловимом, тонком, но таком будоражащем и волнующем? Но в то же время мне было хорошо. Даже не так, впервые за последние дни мне казалось, что сердце мое не разбито на мириады осколков. Я могла просто смеяться, гулять, наслаждаться происходящим... Это было странным и пугающим. Разве может быть так, что после всего произошедшего я в состоянии испытывать нечто подобное?

— Как видно, особой пронизательностью природа тебя не наградила, — хмыкнул он.

Ах да, чуть не забыла! Еще он бесит меня так, как никто и никогда в этой жизни.

Странная смесь разливалась в душе с его появлением.

— Все нормально с моей пронизательностью, — ощутило скрипнув зубами, сказала я.

— Мне показалось или тебя задело мое замечание? — улыбнулся он, бесцеремонно хватая меня за шкурку и оттаскивая в сторону.

Невероятно, но я только что чуть не вляпалась... в самом прямом смысле слова! Как это возможно и что со мной?

— Тебе показалось, — хмыкнула я, чувствуя, как внутри зарождается волна негодования. — И я не пятилетний ребенок, чтобы хватать меня за шкурку! — рыкнула я.

— Ладно, в следующий раз дам тебе смело наступить в дерьмо. Чего уж там, мне не жалко.

— Спасибо, — не нашла я с достойным ответом и горделиво вздернула подбородок.

— Всегда пожалуйста.

Некоторое время мы шли в полной тишине. Воспользовавшись паузой в разговоре, я начала внимательнее присматриваться к прилавкам. Мне все еще нужна была краска для волос. Планы о том, чтобы купить нижнее белье и кое-что из одежды, были отложены в долгий ящик. Как я могу делать это при постороннем мужчине?!

— Кстати, — вдруг заговорил Лео, небрежно засовывая руки в карманы куртки, — как тебя зовут, незнакомка? — сказал — и тут же посмотрел мне в глаза так, что у меня сбилось дыханье.

«Бездна меня подери! Как же меня зовут?!» — взорвалось в голове, в то время как сердце начало громче стучать в груди под взглядом Лео.

— Мирта, — не задумываясь буркнула я самое распространенное в Ирэми имя. Может быть, если бы он не смотрел так пристально на меня, я бы нашлась с более оригинальным ответом. Отчего-то хотелось, чтобы имя было более красивым. Будто это могло повлиять на его отношение ко мне... А то Мирта! У нас в Пограничье так только коз называли!

Лео, не отводя взгляда, продолжал смотреть мне в глаза, потом, словно решив что-то для себя, многозначительно хмыкнул и отвернулся.

— Мирта, значит, — задумчиво проговорил он. — Думаю, ты не станешь возражать, если я буду звать тебя Мири.

— Вот еще! Я не ребенок, чтобы меня так называть, — отчего-то меня задело подобное сокращение выдуманного имени. И еще кое-что — второй раз за несколько минут я совершенно по-детски пыталась заявить, что вовсе не маленькая. От этого отмахнуться я уже не могла и просто тонула в собственном внутреннем смятении.

— Да брось, — шутливо возмутился он. — Я же по-дружески.

— С чего ты взял, что мы друзья?

Внутренний голос искренне советовал мне заткнуться, пока я не наговорила лишнего этому человеку. Но я совершенно не могла с собой совладать, распаляясь все больше, сама не понимая почему.

— Ну как же? Я тебя спас, заплатил за твой ужин, веду тебя за покупками. Разве все это не повод считать нас хотя бы близкими знакомыми? — вопросительно изогнув бровь, поинтересовался он, в то время как на дне его янтарных глаз загорелись озорные искорки.

— Возможно, — нехотя согласилась я. Сказала только потому, что нужно было что-то ответить, а кричать о том, что я с ним в корне не согласна, было бы гораздо глупее, чем просто пойти ему навстречу.

— В таком случае предлагаю где-нибудь пообедать или скорее поужинать, ведь уже почти стемнело, — заключил он, уводя меня за собой, как овцу на заклание.

— Но... — в отчаянной попытке запротестовать, пискнула я.

— Да перестань, Мири. Не знаю, как у тебя, — многозначительно посмотрел он в мою сторону, — но у меня был тяжелый день. Я мало спал, — ухмыльнулся он на последнем слове, а мне отчего-то стало неприятно, что он говорит об этом с таким довольным лицом. — Почти не ел, да еще и пришлось вытаскивать одну симпатичную девицу, что застряла в чересчур узкой для своих округлостей щели, — как ни в чем не бывало подытожил он.

— Ш-што? — зло выдохнула я.

— А что? — Лео с самым невинным взглядом посмотрел на меня.

— Я не застряла, — прекрасно понимая, что сейчас все, что бы я ни придумала, будет напоминать бред, я все же продолжала упрямо гнуть свою линию.

— Конечно нет, — покорно согласился он. — Ну так как насчет поесть?

Странно, кого-то мне напоминает эта фраза насчет покушать...

— Хорошо, но сначала мне нужно кое-что купить, — согласившись с Лео, я наконец заметила нужный мне прилавок. — Побудь здесь, я быстро, — не дожидаясь ответа, я уверенным шагом направилась к продавцу, что предлагал кремы, маски для лица, косметику, а также краску для волос. Услышав позади себя обреченный вздох Лео, я поняла, что мужчина примерно представлял, насколько может затянуться мое «быстро». Хотя знай он меня чуть лучше, то поверил бы на слово, что «быстро» означает «так быстро, как только будет возможно».

У прилавка возбужденно толпилась стайка молоденьких девушек, попеременно тыкавших тонкими пальчиками в разноцветные баночки и так и не решавшихся на дорогую покупку. Девушки что-то весело обсуждали, смеялись, но доставать заветные монетки из кошельков, похоже, не торопились. Немолодой торговец человеческого происхождения с едва скрываемым раздражением поглядывал на молодых прелестниц, что своими спинами практически закрывали весь его товар.

С моим появлением мужчина явно приободрился и приветливо заговорил:

— Чего желает прелестная эсса? Позвольте показать вам чудесные духи, что оказались на моем прилавке прямо из эльфийского леса! — Мужчина уже было потянулся к замысловатому хрустальному флакону, как я, предвкушая полную потерю обоняния на несколько часов, решительным жестом остановила его.

— Нет, благодарю, но мне нужна лишь краска для волос. Какая у вас самая лучшая? Торговец заметно поскущел, но все же выставил передо мной несколько коробочек.

— Какой цвет?

Вариантов было всего три: черный, огненно-рыжий и красновато-коричневый.

— Черный. Сколько?

Тут мужчина собрался с духом и выпалил совершенно несоизмеримую с качеством товара цену.

— Дорого, не возьму, — быстро ответила я, изображая непреклонную решимость уйти.

— Сколько дашь? — тут же перестроился торговец, внимательным взглядом оценивая мой внешний вид и возможную сумму, что можно было бы с меня содрать.

Торговались мы недолго, но упорно. В конце концов победило желание торговца продать хоть что-то и не упускать молоденьких девиц из виду, пока те что-нибудь не умыкнули. Кстати, одна из прелестниц уже успела сунуть маленькую коробочку с сухой тушью для ресниц в карман своего пальто. Но поскольку торговец не стал упорствовать и сделал мне неплохую скидку, я вернула зазевавшемуся мужичку его товар. Очень быстро сунула руку в карман девичьего пальто и неуловимым движением положила товар на место, пока забирала с прилавка свою покупку.

Обрадованная тем, что мне хоть что-то удалось в этот день, и прижимая заветный сверток к груди, я резво повернулась спиной к прилавку, намереваясь подойти к терпеливо ждущему меня Лео. Я едва не выронила сверток из рук, потому как наткнулась на потемневший взгляд моего знакомого. Он смотрел на меня, как хищник смотрел бы на свою жертву. Теплые янтарные глаза превратились в два непроницаемых черных омота, на дне которых плескалась ничем не прикрытая ярость. Но в следующую секунду я уже не была уверена в том, что действительно видела это... Прежние янтарные глаза, расслабленная поза и ни капли раздражения или озлобленности.

Отчего-то на миг мне стало не по себе. Спину обдало холодным ветерком нехорошего предчувствия. Но ощущение было мимолетным, и стоило Лео заговорить со мной, как я обо всем забыла.

— Я уж боялся, что потерял тебя, — хмыкнул он, едва я подошла к нему. — Есть идеи, где бы ты хотела поужинать сегодня?

— Вообще-то я совсем недавно в городе и еще не знаю ничего здесь.

— Тогда могу предложить одно замечательное место. Кормят вкусно, хозяин — мой хороший знакомый, так что со столиком проблем не будет. И еще один ощутимый плюс моего предложения — это недорогие цены на еду. Заведение находится не в центре, потому и

народу не слишком много в такой день. Ну ты как?

Отчего-то предложение и впрямь показалось заманчивым. А может быть, мне просто захотелось хотя бы один вечер провести не так, как обычно, — уткнувшись носом в мокрую от слез подушку.

— Идет, — чересчур радостно согласилась я.

Лео поймал для нас небольшой экипаж и уже спустя тридцать минут объявил о том, что мы скоро будем на месте. Всю дорогу мы весело болтали, он развлекал меня забавными историями из жизни, был весьма мил и любезен. Но отчего-то такая перемена в его настроении заставляла чувствовать меня еще больше не по себе. То, что он стал таким милым, веселым, наводило на мысль, как будто он сменил окрас, словно хамелеон, и что-то подсказывало мне, что это не единственная его маска...

— Скажи, — неожиданно взяв меня за руку, поинтересовался он. От его прикосновений отчего-то жгло кожу, — что привело тебя сюда?

Невольно я оказалась в плену его притягательных глаз и не могла найти в себе сил отвернуться.

— Я путешествую, — отстраненно пролепетала я, всем своим естеством ощущая, как меня влечет к этому мужчине. Как мне хочется, чтобы он продолжал касаться меня. Притянул ближе, заключая в свои крепкие объятия. Повозку ощутимо потряхивало на мощных улицах города, и мне хотелось, чтобы ее тряхнуло посильнее. Я не смогу удержаться, потеряю равновесие...

— Что за бездна? — сама не ожидая от себя, рыкнула я, вырывая руку из его ладони.

Ответ на свой вопрос я получить не успела. Свет как-то стремительно померк, мир вокруг закружился, и последнее, что каким-то чудом зацепилось в сознании, — это невероятная по своей силе вспышка боли в виске от обрушившегося на меня удара.

— Знаешь, Эм, иногда мне хочется, чтобы все сложилось иначе, — грустно вздохнул Ким, усаживаясь прямо на землю посреди проселочной дороги, что вела от нашей деревни к озеру Ома. Жара стояла невыносимая, что само по себе было удивительно, и наш северный край давно не видел дождей, потому стоило брату опуститься на землю, как целый столб пыли поднялся от иссохшей земли.

Люблю, когда приходит лето. Не только потому, что в это время мы с братом можем целыми днями находиться на улице, но и потому, что солнышко балует Кима, раскрашивая его смуглое лицо целой россыпью озорных веснушек.

Брат ухмыльнулся, доставая из-за пазухи связанную узелком тряпицу. Неспешно развязал и высыпал содержимое в придорожную пыль.

— А по мне, так все удачно сложилось, — хмыкнула я, бесцеремонно присаживаясь рядом с ним. — Смотри, как выгодно поменялись, — смеюсь я, выуживая из высыпанного братом барахла голубое стеклышко и поднося его к глазам. — Видишь, какое красивое!

— Да я не об этом, — отмахивается он и ложится на землю, запрокидывая руки за голову.

Не задумываясь, я пристраиваюсь рядом с ним, увлеченно продолжая вертеть стеклышко перед глазами.

— Да? А что не так тогда?

— Все так, Эм... Теперь я понимаю, что все так, но жалко все равно...

В себя я пришла с трудом. В голове без конца звенело, веки слиплись, и открыть их, как ни старалась, я не могла. Запястья нещадно жгло, оно и неудивительно: меня подвесили за руки и сковали наручниками из неизвестного мне металла. Не то чтобы я была знатоком сплавов, но ни один известный мне металл не мог жечь кожу и при этом совершенно парализовать движения. Мои обнаженные ступни были так же прикованы к какой-то каменной поверхности.

Никогда прежде я не задумывалась, как это страшно, когда ты чувствуешь свое тело, но полностью утрачиваешь способность его контролировать. Словно ватная кукла, я болталась на цепях, не в состоянии даже открыть глаза или произнести хоть слово. Паника нарастала с каждым вздохом, и я ощутила, как заметно удлиняются клыки во рту, как начинают расти когти на руках. Но в тот же миг невероятной силы болезненная судорога скрутила все тело, обращая трансформацию вспять. А из горла, минуя все магические оковы, вырвался густой сип.

— Ну-ну, милая, полегче. — Знакомый голос проникает в сознание, заставляя собраться и вслушиваться в окружающее пространство. — Зачем же так, я не хочу делать тебе больно... Мм, пока не хочу, — добавляет Лео.

И я слышу, как он приближается ко мне. Даже не слышу, а скорее чувствую по изменению воздушных потоков вокруг. С каждым шагом его ни с чем не сравнимый запах ощущается все сильнее. Столько всего намешано в нем сейчас: опасность, предвкушение, азарт... У меня начинает кружиться голова.

Хриплый выдох режет тишину вокруг.

— Не знал я, что они додумаются до такого, — хмыкнул Лео. — Такая молодая. —

Неожиданно я чувствую, как его острый коготь начинает скользить по обнаженной коже шеи, оставляя после себя лишь легкую царапину. Но я знаю: стоит ему надавить еще хоть немного — и моя кожа не выдержит. Он спускается ниже, каким-то чудом обходя бьющуюся жилку, подбирается к вороту сорочки. — Чья идея? — Сейчас я даже знаю, как изгибаются его идеально очерченные губы в улыбке, что напоминает оскал хищного зверя. Рука его ненадолго замирает. И тут же я слышу треск разрываемой ткани.

Все это кажется непонятным, жутким кошмаром, из которого не выбраться и который не закончится до тех пор, пока этого не пожелает Лео. Сердце в груди бьется так сильно, что оглушает меня, погружая в свой необъяснимый ритм, уводящий от того, что происходит вокруг.

— Дай угадаю, — смеется Лео, а я невольно заслушиваюсь. Какой у него смех! Ненависть, страх и восхищение смешиваются во мне, пугая даже меня саму. — Оберон? — тихо спрашивает он, выдыхая имя уже знакомого мне демона прямо в губы.

Каким-то краем сознания я понимаю: происходит что-то неправильное и непонятное, но сосредоточиться не удается. Словно испугавшись, разум прячется на задворках сознания, уступая место инстинктам.

Его рука движется ниже, разрывая тонкую ткань рубашки. Но вместо объяснимого в такой ситуации страха я испытываю непонятное волнение. Предвкушение чего-то заманчивого, неизведанного.

— Какая ты, оказывается... — Его голос становится ниже и глубже, а дыхание — учащенней.

Мир вокруг словно перестает существовать, сжимаясь до одной маленькой точки. Мое сердце колотится в груди с бешеной скоростью. Дыхание, прерывистое и частое, смешивается с его, ровным и уверенным. Я не вижу его лица, но чувствую, как рука скользит по обнаженной коже, и под этими прикосновениями я начинаю гореть, словно дикое пламя.

— Нравится? — Тихий шепот у самого уха. — Открой глаза, милая, — ласково шепчет он, и я понимаю, что ничто не мешает сделать мне это.

В тот же миг распахиваю глаза, и сейчас мне кажется, что я тону в черной бездне, на дне которой то и дело вспыхивают и гаснут золотые смерчи. Так смотрит на меня демон, более не скрываемый никакими личинами. Словно ненужная шелуха осыпалась с внешности Лео, обнажая его истинную суть в одном лишь взгляде.

И это прикосновение к его истинному «я» каким-то образом отрезвляет меня. Как выброшенная на сушу рыба, я хватаю ртом воздух, но сказать по-прежнему ничего не могу.

— Сильная, да? — ухмыляясь, говорит он. — Посмотрим, как ты запоешь, птичка моя, когда я начну спрашивать. — Улыбка становится чуть шире, обнажая удлинившиеся клыки. — Так кто подослал тебя и что ты уже успела передать, *Мири*? — На моем выдуманном имени Лео сделал особенный акцент. — Отвечай. — В этот момент я поняла, что теперь могу говорить.

— Я... я... — с трудом восстанавливая сбившееся дыхание, начала я. — Меня никто не... — договорить мне не удалось, так как звонкая пощечина обожгла щеку огнем, а в ушах зазвенело так, что на мгновение я потеряла ориентацию.

— Так не пойдет, Мири, — заговорил он ласково, будто с глупым ребенком. — Давай договоримся: мы не используем частицу «не». Когда я тебя спрашиваю, ты отвечаешь. Кто тебя послал? — практически по слогам произнес он.

В этот момент я впервые с того момента, как очнулась, могла мыслить здраво. *Что тут*

происходит?! Кто такой Лео? За кого он принял меня? Имеет ли он отношение к тем, кто по идее должен меня искать? Кто тут беглец, в конце-то концов?! И что я должна сказать ему, чтобы он не нарезал меня на тонкие ленточки.

— Сама, — буркнула то, что более-менее подходило по ситуации и не содержало частицы «не».

Лео выразительно хмыкнул, придвигаясь к моему лицу так близко, что я чувствовала его горячее дыхание на своих губах.

— Нет, так тоже не пойдет, — покачал он головой. — Хорошо, скажи мне тогда, кто ставил на тебя блок?

Он спрашивал меня, а я совершенно не понимала, о чем идет речь! «Блок», «подослал», откуда я знаю? И что сказать? Как объяснить? Ведь он даже слушать не соизволит.

— Молчишь? — коротко кивнув своим мыслям, подытожил он. — Значит, по-хорошему говорить не хочешь?

Я просто смотрела на него, не в силах отвести взгляд. Смотрела и не знала, что сказать.

— Послушай, — кое-как собрав волю в кулак, начала я. Голос мой ощутимо дрожал, а в горле тут же пересохло. — Дай мне объяснить.

— Да? Ну попробуй. — На последнем слове его взгляд выразительно прошелся по моему телу, и только тут я поняла, что из всей одежды на мне — лишь порванная сорочка и нижнее белье.

Жаркая волна стыда накрыла с головой. С трудом удалось не закричать и не начать дергаться в попытке прикрыть наготу.

— Я не понимаю, о чем ты, — торопливо заговорила я. — Наша с тобой встреча — это случайность.

— Неубедительно, попробуй еще раз. Давай я все же помогу тебе начать, — и столько искренней заботы в голосе.

— Нет! — поспешно выкрикнула я, опасаясь его дальнейших действий. — Лео, я правда не знаю, кто ты, и не понимаю, о чем ты меня спрашиваешь! — На глаза сами собой начали наворачиваться слезы.

Не то чтобы мне было настолько страшно. Хотя и страшно тоже. Но в последнее время мне было очень тяжело контролировать свои эмоции, а плакать стало так естественно, ведь это было моим постоянным занятием. Вот и сейчас мне показалось таким несправедливым все происходящее! Что я сделала? В чем провинилась? Почему все это случилось со мной? Сначала Дрэй, потом брат, побег, Каа'Лим... а теперь еще и это! За что, бездна меня побори?!

Тяжело сглотнув, я прямо посмотрела в глаза мужчине, что решил сломать меня лишь потому, что ему так захотелось.

— Знаешь что! Если не веришь мне, то имей хотя бы мужество драться со мной, а не наслаждаться победой над женщиной, которая находится в цепях и не имеет никакой возможности постоять за себя! — гневно выкрикнула я ему в лицо.

Лео в молчаливой задумчивости наклонил голову, осматривая меня с ног до головы, потом чему-то улыбнулся и сказал:

— Смелый маленький котенок. — Его дыханье вновь коснулось моей шеи, отчего сердце в груди застучало быстрее, но я как смогла сохранила видимую невозмутимость. — Скажи мне только одно, милая: зачем мне это нужно?

— Быть может, затем, что ты хочешь этого ничуть не меньше, чем я? — решив упорно

придерживаться выбранной тактики, прошептала я в ответ. Он не поверит, что бы я сейчас ни говорила. Висеть тут ночь напролет, в то время как он будет избивать меня, или что там обычно делают, когда выживают информацию из плененных врагов? Лучше пусть прибудет сразу, нежели будет издеваться столько, сколько ему заблагорассудится.

Конечно, ему ничто не могло помешать сойтись со мной в рукопашной, отлупить как следует и вновь привязать к стене... Но я просто не знала, что еще могу предпринять.

— Хочешь поиграть, малыш? Что же, давай поиграем. Ночь длинная. А в нашем распоряжении таких ночей ой как много.

Он решительно отступил от меня, коротко взмахнул рукой, отчего цепи на руках и ногах ослабли, и я, словно подкошенная, рухнула на пол подвала, в котором находилась все это время. Чувствительность к конечностям возвращалась постепенно, какое-то время я просто лежала ничком, не в состоянии даже перевернуться. И все ждала, когда же этому демону надоест наблюдать за мной и он просто даст мне чем-нибудь тяжелым по голове. Но время шло, руки и ноги начало ощутимо покалывать, что было, судя по всему, хорошим знаком, а я все так же лежала на полу. Целая, почти невредимая и практически голая.

Вокруг царил полумрак, который не мог рассеять единственный факел, чадивший в углу комнаты. Здесь не было ни окон, ни двери.

— Отдохнула? — вкрадчиво поинтересовались у меня над головой.

На дрожащих руках я приподнялась, чтобы перевернуться на спину.

Святая богиня, о чем я думала?! Какие уж тут драки, когда я даже встать не могу?!

Но, как бы то ни было, надо было вставать. Что я и сделала, хоть и с большим трудом. Встала и тут же запахла разрезанную рубаху. Посмотрел, оценил и хватит!

— Верни одежду, — с едва уловимыми рычащими нотками в голосе сказала я.

— Зачем? — хмыкнул он, выразительно осматривая меня с головы до ног. — Так лучше, — беззаботно пожав плечами, подытожил он.

— Верни! — коротко сказала я, не отводя от него глаз.

— Знаешь, Мири, ты такая скучная, — посетовал Лео, швыряя мне в руки скомканный сверток непонятного тряпья. — Надеюсь, драться с тобой будет веселее.

Стараясь не терять зрительного контакта с противником, я быстро развернула сверток и не без удивления обнаружила брюки и рубаху, что дала мне Рэйна. Не тратя времени, натянула все это на себя. Стоило мне застегнуть последнюю пуговицу на рубахе, как фигура Лео, всего мгновение назад беззаботно стоящего передо мной, как-то непонятно смазалась и исчезла. А уже в следующую секунду мощный удар обрушился мне на голову. Лишь в последний момент я смогла немного уклониться, так что кулак демона прошелся по мне скорее по касательной, нежели в полную силу. Но и такого касания мне было более чем достаточно. Мир вокруг ощутимо накренился и поплыл. «Должно быть, это и есть мой бесславный конец», — решила я. Но сознание все же не покинуло меня. Руководствуясь лишь рефлексом, я отпрыгнула как можно дальше от демона, обнажая клыки и шипя, словно дикая кошка.

— Ну покажи мне, на что ты способна, милая, — раздался его насмешливый голос.

Дважды просить меня нужды не было. Злость, горечь потери, обида, что снесли душу, выплеснулись наружу, и казалось, что остановиться я бы не смогла при всем желании. Лео, демон, что стоял сейчас передо мной, похитил меня, избил и связал. Сейчас я ненавидела его так, как никого и никогда в этой жизни. Ненавидела и сгорала в собственной ярости и ненависти! Потому, не сдерживая себя более, просто кинулась на него. И промахнулась,

после чего получила мощный удар в затылок.

— Не разочаровывай меня, малыш. Не заставляй жалеть о собственном решении, — раздалось откуда-то сзади.

Странно, но боли я практически не почувствовала, только разозлилась еще сильнее. С рыком обернулась и прыгнула вновь. На этот раз он не ушел из-под моего удара, а встретил его мощным блоком, который мне бы ни за что не удалось пробить. Мы схлестнулись, будто волны океана и вековая скала. На моей стороне была ярость, а на его — уверенность в собственном превосходстве и опыт. Похоже, он терпеливо продолжал этот бой лишь из чистого любопытства, до тех пор, пока ему это не надоест.

Я дралась в немом и яростном исступлении, так, как дерутся лишь один раз в жизни. В последний. Сначала казалось, что у Лео этот бой не вызывает затруднений, но вскоре и ему пришлось выкладываться и ускоряться. Один раз мне даже удалось задеть его когтями, и его лицо украсили четыре кровоточащие царапины. Кровь его не была похожа на мою. Она была словно жидкое золото, густая и поблескивающая в свете факела.

Но стоило мне отвлечься на рану, как я не успела среагировать на его атаку.

Все случилось так быстро, что я даже не смогла до конца осознать произошедшее. Мощный удар в висок заставляет на мгновение потерять ориентацию в пространстве, и тут же что-то горячее течет по моему животу, стремительно намокает рубаха, штаны. Я стою на коленях и понимаю, что не в силах подняться и могу лишь посмотреть в глаза тому, кто прервал мою агонию в этом мире. Посмотреть не зло, а с благодарностью. Поднимаю глаза и вижу мертвенно-бледное лицо Лео, с ужасом взирающего на собственную, покрытую жидким серебром ладонь. Он смотрит так странно, будто не этого добивался. Его глаза темны, и даже золотые смерчи не делают их более живыми.

«Интересно, в который раз за сегодня я теряю сознание?» — приходит глупая мысль, и тьма накрывает меня, унося в свои спасительные теплые объятия.

— Разорви меня бездна! — последнее, что мне удается услышать в этот долгий вечер.

— Ну вот что ты творишь? — Недовольный голос Кима заставляет меня растерянно оторваться от своего занятия.

Лепить куличики, скажу я вам, — дело сложное, требующее концентрации и немалых сил! Лето на дворе, а мне как раз удалось умыкнуть у мамки старый горшочек и миску, потому и куличики получаются разные по размеру и форме. Красота!

— А что? Хорошо выходит вроде?

— Чего ж хорошего-то? — сердито сведя брови, смотрит он на меня. — Ты долго у меня расслаиваться собралась?

— Чего это сразу у тебя? Песочек общий, между прочим! — фыркнула я, начиная наполнять миску новой порцией влажного песка.

— Иди отсюда, по-хорошему прошу.

— Ага, жди! — хмыкнула я, расплываясь в наглой улыбке. — Чего это я уходить-то должна? Мне и тут хорошо.

— Вали отсюда, пока лохмы твои белобрысые не проредил! — не на шутку разозлившись, кричит на меня брат.

— Но, — в горле встает тяжелый ком, — я не хочу...

Ким в ярости наклоняется ко мне. Его взгляд исполнен такой нешуточной злости, что мне невольно становится не по себе.

— Вон пошла, рано тебе! — чуть ли не рыча, грубо пихает он меня в грудь раскрытыми ладонями.

Проснулась я неожиданно, рывком. Просто открыла глаза и поняла, что больше уже не сплю. Но и понимание того, что что-то все же не так, пришло тут же. Во-первых, я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой, и что-то это мне напоминало. Воспоминания прошлой ночи тоже не заставили себя ждать. Испуганно распахнув веки, попыталась осмотреться. И увиденное заставило меня нервно сглотнуть.

Мои руки, как и ночью, были скованы над головой. Вот только вместо стены опорой служила спинка кровати! Огромной, с мягкой периной кровати! Во-вторых, чужая, но вместе с тем невероятно знакомая рука по-хозяйски расположилась на моем животе, укрытом тонкой простыней. Лео лежал рядом и мирно посапывал. Впервые я видела его таким расслабленным. Как и впервые увидела его без капюшона... Его волосы были цвета платины с вкраплением золота. Невероятное, ни на что не похожее зрелище! Я даже невольно засмотрелась, совершенно обо всем позабыв. Они свободно рассыпались по подушке. Время от времени на их кончиках вспыхивали и гасли золотые всполохи, завораживая меня еще больше. Нечто подобное я видела у демонов, что приезжали в МАМ.

Лео был прикрыт по пояс той же простыней, что и я. И судя по тому, что я могла видеть, он был обнажен. Как и я...

От последней мысли я буквально поперхнулась воздухом. Какое-то время не могла ни вздохнуть, ни выдохнуть, попутно таращась на своего похитителя и мысленно кляня его на все лады! Я уже даже представила, как каким-то неведомым образом устраиваю ловушку этому мерзавцу (детали опустим, об этом стоит подумать позже). И вот я подвешиваю его к той же стене, что и он меня, и избиваю несколько ночей кряду за все, что он себе уже позволил в мой адрес. Мечты о мести были сладкими и красочными, но почему-то еще более провокационными. Как я ни пыталась представить Лео в одежде, подвешенным на зачарованных цепях, выходило все равно что-то не слишком приличное...

— Ну хватит пыхтеть, я же сплю, — сонно пробурчал этот гад, одним резким движением переворачиваясь на спину. От этого маневра простыня на его теле съехала еще ниже, открывая его тело практически полностью, лишь то самое «место» оставалось прикрыто каким-то неведомым образом. А я, как полная идиотка, продолжала смотреть на него, и не думая отводить глаз. Тугие жилы на руках, выразительные мышцы грудной клетки, пресса. Кожа Лео не была такой белоснежной, как моя. Казалось, все его тело покрыто каким-то золотистым загаром. Не темным, но равномерным и подчеркивающим все особенности его фигуры.

Кажется, вместо того чтобы перестать «пыхтеть», я начала делать это еще воодушевленнее. И как раз в этот момент Лео, недовольно поморщившись, открыл глаза. Янтарные, невероятно теплые, они взирали на меня с долей насмешки. Я же старалась смотреть лишь на его лицо и никуда более.

— Нравлюсь? — беззастенчиво расплылся в улыбке демон.

— Ты мерзавец, — зло прорычала я.

Лео странно хохотнул и одним движением скинул простыню полностью. Я тут же закрыла глаза и отвернулась, причем проделала все это с необычайной скоростью. Кровать подо мной слегка прогнулась и тут же вернулась в прежнее положение, а по комнате послышались легкие шаги. Я поняла, что Лео ходит так скорее для моего удобства, нежели по

привычке.

— П-почему ты голый? — пробормотала я, старательно зажмурившись, чтобы даже случайно не увидеть лишнего.

— Я так сплю, — хмыкнул он откуда-то сбоку.

— И тебе безразлично, что рядом спит кто-то еще? — зло прошипела я.

— Ну, милая, от своей стеснительности я избавился еще в раннем юношестве, да и потом, тут хоть земля развернется, а ты глаз все равно не откроешь... — рассмеялся он собственной шутке. — А насчет тебя: я не иду туда, куда меня не приглашают, если ты, конечно, понимаешь, о чем я.

Его тон был самоуверенным и даже насмешливым, что бесило меня еще больше.

— А я?

— А что ты? — и столько искреннего непонимания в голосе.

— Почему я голая и связанная?

Я неустанно повторяла себе, что должна быть терпеливой и не повышать голос. Что, если этот идиот решит, что я его провоцирую? Тогда все может закончиться очень и очень нехорошо.

— Так удобнее было заниматься твоей раной, — хмыкнул Лео, открывая створки шкафа. — Заметь, я не был обязан это делать, но... — Дверцы шкафа захлопнулись, и он зашуршал одеждой. — Я нынче чересчур эмоционален. Сам не пойму, что такое. Все приступы добросердечности одолевают. Как думаешь, это не опасно? — совершенно серьезно поинтересовался он.

Скрипнув зубами, я резко выдохнула. Досчитала про себя до десяти, подумала, посчитала еще раз, снова выдохнула.

— Почему ты улегся рядом со мной? — почти прошипела я, открывая глаза.

Лео стоял рядом с кроватью и просто смотрел на меня. На нем были темные брюки и застегнутая под горло кожаная куртка, капюшон свободно лежал на плечах.

— Знаешь, я не сплю на полу, когда есть кровать. Если настаиваешь, то в следующий раз я устрою тебя у двери на коврик, — сказал он с таким непроницаемым видом, что меня невольно передернуло. — Есть хочешь?

Вот это я понимаю, сменил тему! Но, надо признать, удачно.

— Хочу... — не успела я договорить, как он развернулся ко мне спиной и исчез в дверях, по пути накидывая на голову капюшон, — чтобы ты меня развязал, — договорила я в уже опустевшей комнате.

Некоторое время я оставалась совершенно одна. В какой-то степени это было мне даже необходимо. Хотя бы немного следовало разобраться в произошедшем и постараться понять, как следует себя вести с этим...

В одном я теперь была уверена совершенно точно: Лео разыскивают так же, как и меня. Но если я точно знала, что сделала и почему меня ищут, то об этом демоне я не знала ничего. Хотя кое-что и выяснила опытным путем. Он сильнее меня и, стало быть, опасней. Но почему-то не убил вчерашней ночью. Что-то остановило его. Что-то важное. И, кажется, я догадываюсь что.

Перед глазами всплыло мое последнее воспоминание о вчерашней ночи. Я стою на коленях и поднимаю глаза, чтобы посмотреть в лицо тому, кто избавил меня от бремени жизни. Но вместо торжества вижу в почерневших глазах демона такое ни с чем не сравнимое отчаяние, что невольно задаюсь вопросом, что же могло такого произойти? Разве не этого он

добивался? Но вот он переводит потемневший взор на руку, что перепачкана в моей крови, и... темнота. В голове было невероятное множество вопросов, ответы на которые я могла получить только от одного мужчины. Хотя смутно понимала, почему мне посчастливилось встретить рассвет этого утра живой и почти невредимой. Он знает, кто я. Но вот что он собирается делать с этой информацией? Ответа у меня не было.

Он не спал практически всю ночь, капля за каплей сцеживая свою неподатливую силу в ту, что совсем недавно намеревался убить. И убил бы, если бы вовремя не смог понять, на кого поднял руку. Что он испытал в тот момент? Отчаянье было бы самым правильным определением. Всю ночь перед его мысленным взором стояла та, что просила сберечь свое дитя. Та, что однажды и его самого вытащила с того света. Та, которой он и по сей день был обязан своим существованием.

Почти восемнадцать лет прошло с того самого дня, как все в его жизни пошло не так. Те далекие события до сих пор не отпускали его ни на минуту. Она просила позаботиться о ребенке, отдав его в человеческую семью. Он сделал это, хотя всем своим естеством сопротивлялся принятому владычицей решению. Тогда ему казалось, что он и сам справится с воспитанием наследницы. Но как же он ошибался! Сколько лет ему приходилось скрываться в одном-единственном мире, из которого было невозможно убежать. Люди думают, что их мир огромен и потеряться в нем так легко. Возможно, но не тогда, когда ты рожден демоном и весь Кайрус считает тебя предателем, погубившим правящую династию. Все эти байки, что ходят даже среди драконов, о том, что демоны привязаны к своей родине, настолько далеки от реальности. Демоны могут находиться в любом месте, где пожелают, и для этого им даже не обязательно покидать собственную постель. Чего стоит хотя бы тот же Оберон, глава Дома Воды. Он может быть в каждой капле, то есть везде, где его стихия. А спрятаться от такого противника до сих пор не удавалось никому. Если бы не владычица, что даже на смертном одре подумала о своем страже, кто знает, сколько секунд ему удалось бы просуществовать после ее смерти?

Он позаботился о ее ребенке так, как мог. Отдал в руки женщины, что родила в ту же ночь сына. Отдал скрепя сердце, переступил через собственные сомнения. Единственное, что он мог сделать в ту ночь, — это всего три вещи: найти для девочки семью, внушить этим людям любовь к ней и отдать шкатулку с письмом и даром Грани, которую девушке должны были отдать позднее. Письмо он писал сам, пытаясь хотя бы так дать девочке понять, что она не одинока в этом мире.

Кто-то подумает: не безопаснее было бы вернуться на родину вместе с наследницей? Но Дримлеон знал: даже на Кайрусе невозможно защитить ее, для начала не приняв должных мер. Ведь могущество Дома Серебряных не спасло род от уничтожения. Он хорошо помнил, как погибали многие его представители. Кто-то исчезал, кого-то травили. Большая часть из них ушла за Грань во время той страшной войны, что сумел организовать один (!) ничтожный человеческий маг, который своим коварством превзошел всех демонов, вместе взятых. Обвел вокруг пальца так просто, как никому и никогда не удавалось!

Другие спросят: почему он бросил ее одну, не принимая участия в воспитании? И на этот вопрос был один-единственный ответ, который дала ему *она*, умирая. Владычица просто сказала: «Так надо». И он послушался, потому как знал, что она не стала бы говорить просто так.

Столько лет он провел в скитаниях, столько раз ему приходилось убивать за эти годы

тех, кого раньше он называл братьями. Но годы не прошли впустую, сейчас он подобрался к раскрытию тайны так близко, как не смел и мечтать. Он точно знал, куда ему следует двигаться, чтобы найти того, кто ответственен за гибель правящего Дома.

Но что он должен делать теперь? Еще вчера он полагал, что обнаружил очередной хвост, а уже сегодня поставил мощную защиту на свой дом, оберегая самое драгоценное, что осталось у него в этой жизни. Маленькое сокровище, что, кажется, еще вчера лежало на его руках трогательным комочком, сегодня превратилось в очаровательную девушку. Как он должен поступить с ней? Запереть за семью замками, оберегая от всех несчастий этого мира? О нет, это были не его методы...

— Проснись и пой! — раздалось со стороны резко распахнувшейся двери. — Я сходил кое-куда, и смотри, что мне удалось достать. — Лео с огромным пакетом, источающим совершенно головокружительные ароматы свежеприготовленной пищи, в одной руке и непонятным свертком в другой ворвался в комнату, словно смерч. Он легко преодолел расстояние от входа до моего «царственного ложа» и лучезарно улыбнулся.

— Мне все равно, что ты там достал! Развяжи меня, — не удержавшись, зло рыкнула я в ответ.

— погоди, сначала погляди, что у меня есть, — как ни в чем не бывало отмахнулся он и, раскрыв первый пакет, начал сгружать принесенную еду прямо на кровать. — Омлет по-тэймирски с ветчиной, сыром и грибами, — жадно втянув воздух носом, сказал он. — И не будь привередой. Несмотря на то что нечто подобное готовят в каждом городе Ирэми, это блюдо носит здесь именно такое название! Так, что там еще... — засунув руку в пакет, пробормотал Лео. — Свежая выпечка, сок, немного жаркого, фрукты, — скорчив брезгливую гримасу, понюхал он небольшой сверток с виноградом, — ненавижу их! Но, возможно, ты любишь? — вопросительно посмотрел он на меня, но, не дождавшись какой-либо реакции, продолжил: — Так, две порции жареного мяса, заметь, опять же по-тэймирски, — хмыкнул он.

— Ты что, ограбил местный трактир? — фыркнула я, не сдержав улыбки.

— Ну как тебе сказать, я просто люблю поесть и, логически рассудив, что ты тоже, решил взять побольше. Но я же не знаю твоих предпочтений, вот и получилось весьма *побольше*, — сказал Лео. — О, вино, ну, это мне. — Он швырнул бутылку из темного стекла на кресло. — Котлеты, картошка, э-э-э, все, что ли? — как-то разочарованно пробормотал он себе под нос, откидывая опустевший пакет на пол.

— Я могу и поделиться, — тихо хихикнула я.

— Да ладно, я привык жить впроголодь. С людьми так тяжело. Только захочешь нормально пообедать, как на тебя начинают коситься и подозревать, что ты заражен... э-э-э... паразитами.

Я не смогла сдержать смех. Неожиданно для самой себя я начала хохотать, как уже давно не могла. Точнее, смеялись мы оба. И, несмотря на свое прискорбное положение, мне было так легко в этот момент.

— Развяжи меня, — отсмеявшись, сказала я.

— Мм, а я уж понадеялся, что ты попросишь себя покормить, — томно вздохнув, улыбнулся он. И тут же, словно примерив другую маску, стал совершенно серьезным. — Обещай, что мы обойдемся без глупостей и поговорим.

— Поверь, я хочу этого не меньше тебя, — откровенно ответила я.

Он легко взмахнул рукой, и в тот же миг скользящие меня пути опали, а я безвольной куклой начала заваливаться на бок. Но на этот раз он не дал мне упасть. Бережно подхватил, в ту же секунду оказавшись рядом со мной, и держал на руках до тех пор, пока я не смогла сидеть самостоятельно.

— Я знаю, что ты знаешь, кто я, — тихо прошептала я, не в силах оторваться от его широкой груди. Мышцы, словно ватные, совершенно не слушались меня.

— Да, — так же тихо ответил он.

— И... что ты собираешься делать дальше? Выдашь меня? — робко спросила я.

Он легко улыбнулся уголками губ и неожиданно положил широкую ладонь мне на голову, прижимая к себе крепче.

— Нет, я расскажу тебе, кто я...

Такого ответа, я никак не могла ожидать. Ведь какой бы проступок он ни совершил в прошлом, ему простили бы все, если бы он вернул наследницу древнего рода! Разве нет? Но когда он начал свой рассказ, я была не в силах вымолвить ни звука. Его спокойный глубокий голос уводил меня в далекое прошлое, которое я никак не ожидала увидеть глазами Лео.

— Знаешь ли ты, что значит быть личным телохранителем правителя Кайруса? — Я отрицательно покачала головой, стараясь не упустить ни единого слова, сказанного этим мужчиной. — Демонам не нужны телохранители как таковые, особенно старшим демонам, скорее это их следует опасаться всем окружающим, — хмыкнул он. — Личный телохранитель — это должность, которая в древние времена имела совсем другое название и значение. Телохранитель владыки — это его плечо и опора, друг, которому можно полностью довериться. Такой демон занимает второе по значимости положение в государстве. Традиционно хранителями становятся представители Золотого Дома. Золотые — опора власти Серебра, так было с тех пор, как Грань закрыла нас в этом мире, вручив свои дары. Ты знаешь о дарах? — вкрадчиво спросил он.

— Да, мне рассказывали, — так же тихо ответила я.

Лео странно кивнул, но уточнять, кто именно мне рассказывал, не стал.

— Ты не жила среди нас, и тебе, возможно, будет сложно понять, что значит иметь друга в нашем мире, хранителя, который подстрахует тебя, что бы ни случилось. И когда дружба взаимна, то это более ценно вдвойне.

— К чему ты говоришь мне все это? — прошептала я.

— К тому, что когда-то я был таким хранителем для владычицы, — так же на грани слышимости ответил он, а у меня странно замерло все внутри. Было такое чувство, что сердце мое пропустило удар, на мгновение замерев, и резко ухнуло куда-то в бездонную пропасть. — Ты все правильно поняла, я был *ее* хранителем, — тихо добавил он. В этот момент его руки странно напряглись, словно он ожидал, что я начну вырываться, но ничего подобного делать я не собиралась.

Должно быть, Лео считал, что я стану винить его в том, что *она*, моя настоящая мать, умерла. Хм, может быть, еще совсем недавно я бы и спросила, как он мог допустить такое. Почему не исполнил долг, что был возложен на него? И мне было бы абсолютно все равно, что послужило тому причиной. Но сейчас я точно знала, что иногда обстоятельства могут быть сильнее нас. Порой жизнь изгибается под совершенно непредсказуемым углом, и тогда никому не под силу изменить то, что предопределено. А возможно, мы просто не всегда успеваем вовремя... Вина ложится на наши плечи тяжким грузом и давит с такой силой, что порой кажется: стоит один раз упасть — и подняться ты больше не сможешь никогда. Иногда

с нами происходят вещи, к которым мы оказываемся не готовы, упорно продолжая игнорировать нависшую угрозу. А когда становится поздно, то нам ничего более не остается, кроме как жить дальше. Жить, ожидая прощения, которое не придет никогда, потому как прощать нас уже некому. Жить, надеясь на то, что эта боль когда-нибудь отступит, и совершенно точно зная, что подобного не случится. Продолжать ненавистный путь, не имея цели, — разве может быть кара страшнее? Кто, как не я могла это понять. С самого детства я была таким же хранителем для названного брата. Другом, который должен был всегда, несмотря ни на что, прикрывать его спину. Но я оказалась так глупа и в чем-то эгоистична, что позволила разорвать наши узы! Он был человек, и он был слаб, а я, вместо того чтобы поступать мудро, поступала в угоду собственным страстям. Если моим поступкам и было оправдание, то оно придет ко мне еще очень нескоро. А итог моей обиды на слабость слабого был один. И теперь только пепел, развеянный в Северных горах Ирэми, знает, какой именно.

— Моя мать... Ты знаешь, что с ней произошло? — робко спросила я, разрушая гнетущую тишину, что воцарилась в комнате.

— Да.

— Ты расскажешь мне?

— Хорошо, — коротко ответил он, глубоко вздохнув.

— Лив, послушай, я думаю, тебе не стоит сейчас отправляться в это путешествие, — весьма грубо сказал Дримлеон, переступая порог личных покоев владычицы Кайруса. — Что за блажь пришла тебе в голову?

Она, словно не заметив его недовольного тона, продолжала терпеливо выводить тонким черным стилусом иероглифы. Письмо было адресовано совету бездны.

Ливерае предстояло покинуть Кайрус максимум на три дня, на большее она бы и сама не согласилась, но как оставить государство без четких указаний? Стоит немного дать поблажку — и проблемы начнут расти, словно снежный ком.

Уже почти полгода прошло с того дня, как она перестала понимать, для чего именно должна держаться за то, что некогда имело значение: власть, жизнь, Кайрус, ее народ. Для чего ей все это, если рядом нет того единственного, кто должен быть с нею? Особенно сейчас... Лива устало прикрыла веки и откинулась на спинку кресла. Нет, ей не было тяжело оттого, что она так долго сидела за работой над документами. Ей нужен был вовсе не отдых. Лив должна была услышать, как бьется сердце ее нерожденного ребенка, чтобы в очередной раз понять, что ей есть для чего жить, за что держаться в этом мире. Она вслушивалась в то, как трепетно стучит маленькое сердечко, соединяясь в причудливом ритме с ее собственным. Последнее время она часами могла просиживать в своей комнате, навешивая полог абсолютной тишины на окружающее ее пространство, лишь бы уловить эту необыкновенную музыку жизни, что звучала внутри нее. Но даже этого становилось мало. Каждая ночь, проведенная в пустой постели, превращалась в бесконечную пытку. Как она ни старалась избавиться от всего, что напоминало бы о муже, она не могла. Его запах словно впитался в стены дворца, в сам воздух Кайруса. Куда бы она ни пришла, она повсюду чувствовала Эллиэна. Порой Лив думала, что сходит с ума.

Овдовев, она изменилась совершенно невероятным образом. Стала более жестокой, упрямой и в чем-то даже безрассудной. Кайрус впервые за долгие века видел прошлое своей расы в лице владычицы. Никогда не отличающиеся добротой и мягкосердечием демоны испытывали ничем не прикрытый ужас, стоило Ливерае появиться в их поле зрения. Нет, она не устраивала казни, не была излишне жестока, но, копя в себе боль, что испытывала последнее время, она провоцировала и рост своей силы. От природы чувствительные к энергопотокам, демоны буквально шарахались от нее. Слишком уж жутко становилось многим из них от того шлейфа смертоносной энергии, что буквально окутывал владычицу. А еще они содрогались от мысли, каким может быть дитя, рожденное в таком энергетическом дисбалансе.

— У меня такое чувство, что я просто задыхаюсь, — сказала она, поднимаясь из-за стола. — Мне это необходимо, Лео. Арда'ару нужна помощь на границе, а для меня это неплохой способ развеяться. Я жажду бойни, — тихо выдохнула она, откинув голову назад, отчего водопад серебряных волос рассыпался по ее спине. Казалось, что от них исходит сияние далеких звезд, так красиво они вспыхивали от бурлящей в жилах демоницы энергии.

— Бойни? Ты серьезно, Лив? С людьми? Давай я куплю тебе десяток коров или хрюшек, можешь помочь мяснику на кухне, — усмехнулся Лео, опускаясь в кресло рядом со столом Ливераи.

— Ну хорошо, я не жажду кровопролития, как думает весь мой двор. Но мне просто

необходимо вырваться из этой клетки. Каждую ночь я не могу заснуть. Словно что-то манит меня из тьмы, призывая вырваться отсюда хотя бы ненадолго.

— Лив, не хочу показаться излишне заботливым, но тебе вот-вот рожать! Ты об этом подумала?

— Не вот-вот, а через несколько недель. Я прекрасно себя чувствую, и легкая прогулка пойдет мне на пользу, я точно знаю.

Зрение вернулось ко мне столь неожиданно, что я едва могла понять, где нахожусь. События прошлого так живо предстали перед моим мысленным взором, что теперь мне грозила полнейшая дезориентация в пространстве. Но все это было не важно. Разве могла я мечтать, что увижу *ее*, пусть глазами другого демона, но увижу словно живую! Всегда, когда я думала о том, какой была моя настоящая мать, я представляла себе кого-то с такими же белыми волосами, как и у меня, только вот вместо лица у этого «кого-то» всегда было размытое пятно. Конечно, она была высокого роста и... Пожалуй, это все, на что у меня хватало воображения. Но сейчас я увидела... Теперь я знала. Благодаря Лео я познакомилась с ней.

Непонятно откуда взявшаяся слезинка легко соскользнула по щеке, но не упала на белоснежную простыню, что укрывала меня до самой шеи, а осталась на широко открытой ладони Лео, который умудрился поймать ее еще в воздухе.

— Если будешь плакать, то больше я тебе ничего не покажу, — сведя брови к переносице, строго сказал он.

— Не буду, прости, — выразительно шмыгнув носом, сказала я.

Лео коротко кивнул, кладя ладони мне на виски. И вновь реальность для меня растворилась, открывая совершенно иной мир.

Пограничье замерло в тишине, наступившей с приходом морозной северной ночи. Горы, что опоясывали этот мирок непреодолимым полукольцом, недвижимыми стражами застыли под снежным покрывалом, терпеливо взирая на происходящее вокруг. Казалось, ничто не может нарушить этот веками установленный порядок. Но яркая вспышка опалила черное беззвездное небо, разрывая пространство, выбрасывая из глубинных слоев, что пронизывали этот мир, две совершенно не похожие друг на друга фигуры. Женщина и мужчина вывалились на снег из ниоткуда. Женщина казалась совершенно дезориентированной, и если бы не молниеносная реакция мужчины, что успел вовремя ее подхватить, она бы ничком рухнула прямо в снег.

— Это еще что за дерьмо? — взревел мужчина, тем не менее бережно прижимая женщину к груди.

Весь облик Золотого демона говорил о том, что он в бешенстве и готов к бою, но все же на первом месте была безопасность той, которая буквально повисла на его руках беспомощной куклой. Дримлеон практически по пояс утопал в рыхлом снегу, но это ничуть не замедлило его, когда он резко подпрыгнул и в тот же миг оказался на скале, что возвышалась метрах в тридцати от них.

— Лив, ты как? — обеспокоенно спросил страж, всматриваясь в лицо владычицы, обессиленно покоившейся на его руках.

— Плохо, Лео. Я не понимаю, что со мной, но что-то не так. Я не чувствую потоков вокруг, — тихо отозвалась она, едва подняв голову с плеча своего хранителя.

— Я тоже не чувствую ничего вокруг, — хрипло отозвался он, пытаюсь оставаться невозмутимым. — Что еще, Лив? Что с тобой?

Она молча подняла на него взгляд, и Лео против воли громко зашипел, руки его дрогнули, прижимая демоницу еще крепче. Ливерая понимала его реакцию, ведь она знала, что увидел на ее лице Лео. Под белой, словно мраморной кожей владычицы начинала проступать черная сеть капилляров. Кровь стыла в пока еще живом теле. Скоро почернеют и вены, начнет отмирать плоть, и процесс этот уже необратим. Она знала, как это бывает, когда демона травят черным серебром. Она поняла, что смерть может настичь ее в любой момент, а противоядия не существует. Но она могла хотя бы попытаться добраться до Кайруса, где в срочном порядке у нее приняли бы роды. Только вот что-то пошло не так. И все же ребенок мог родиться и здесь.

Сейчас она вообще многое понимала. Понимала, что нет никаких случайностей в случайных смертях, хотя в это и верилось с трудом. Остальные думали, что так желает Грань, забирая Серебро к себе. Ведь вымирал их род не столетие и не два, а тысячи и тысячи лет. Так медленно, что поначалу этого и не замечали вовсе. Некогда сильный Дом исчезал все стремительнее, и лишь когда их осталось несколько десятков, сородичи и впрямь забили тревогу. Хранители первого дара уходят, что станет с остальными? Они не смогут удержать баланс без такой опоры, как Серебро, без той мощи, что текла в их жилах. Поэтому сейчас было важно только одно — спасти еще не рожденное дитя.

— Лео... — тихо прошептала Лива, с трудом поднимая руку и касаясь виска хранителя, вместо слов показывая ему свои мысли, страхи и подозрения. Не отвечая, он прижал ее еще крепче и отпустил сознание на поиски того, что было им сейчас необходимо.

Я смотрела прямо перед собой, не сразу поняв, что Лео уже больше ничего мне не показывает. В голове все еще слышались последние мысли моей настоящей матери. Все ее подозрения, размышления и умозаключения, что она успела передать Лео перед смертью. Теперь она передала их и мне. Многое, о чем я даже не подозревала, вдруг стало важным потому, что это было важным для нее. Вещи, которые не имели смысла еще мгновение назад, обрели место железного стержня в моей душе. У меня появилась цель. Ее цель, ее желание докопаться до истины, защитить тех, кто вверил ей свои жизни, потому как она была практически уверена, что с исчезновением Серебра Дома Кайруса будут уничтожены один за другим в самые короткие сроки. Фактически с моей смертью начнется вымирание целой расы. И, скажу я вам, от этого открытия стало только хуже. Быть ответственной за жизни тысяч и тысяч живых существ, что может быть паршивее? Я одну-единственную смерть пережить не могу, а тут... Хотя какая разница? Когда тебя несут ногами вперед, должно быть, не сильно переживаешь за тех, кто еще может дышать. Но сейчас я почувствовала себя чем-то вроде редкой и очень хрупкой вазы, которую демоны, если дать им такую возможность, будут сначала носить на руках, сдувать пылинки, потом решат, что так все же тоже есть риск меня подпортить, и безопаснее всего сунуть фарфоровое чудо под железный колпак, чтобы даже ветерок не смел касаться. А еще лучше — создать полный вакуум под волшебным колпаком, чтобы краска не облупилась под действием кислорода. Исходя из всего этого, я просто диву даюсь, как эти молодчики позволили мне передвигаться самостоятельно по МАМ, да еще и в турнире участвовать.

«Встреча» с матерью полностью выбила из колеи. Ее мысли о тех, кто, возможно, был причастен к ее отравлению, заставляли дрожать всем телом, особенно учитывая тот факт,

что по чистой случайности среди прочих имен эльфов было одно, печально известное мне. Лиамизель, племянник и доверенное лицо повелителя эльфов. Прелестно. А было ли в моей жизни что-то, произошедшее просто по воле случая? Действительно случайно?!

Горько улыбнувшись одними уголками губ, я прикрыла глаза, пытаюсь охватить умом все переплетение интриг и связей, что держала в голове моя... мама. Пожалуй, сейчас было бы уместным называть ее именно так. Зная, как ей было тяжело дать мне жизнь, я была просто обязана проявить уважение к ней.

— Все, пока хватит, — сказал Лео, вырывая меня из омута собственных мыслей. — Думаю, то, что тебе и впрямь важно знать, ты уже знаешь. Но постарайся отстраниться от увиденного, умей различать свои мысли и ее. Поняла?

Тяжело вздохнув, я кивнула.

— Знаю, ты сейчас чувствуешь себя уставшей. Это нормальная реакция, когда позволяешь кому-то вторгаться в свою энергетику. Пока ни о чем не думай, все равно не сможешь правильно понять, лучше это делать после сна или еды, так что ешь, одевайся и поговорим, — спокойно сказал он, поднимаясь с кровати. — Я буду внизу, как закончишь — спускайся.

Очередной кивок. И неожиданно глупая мысль посещает меня.

— Но мне нечего надеть.

Лео посмотрел на меня, в его глазах зажглись озорные искорки, а на губах возникла соблазнительная улыбка. Он обошел кровать, встав у моих ног, и поднял с пола еще один сверток.

— Я так и подумал, — хмыкнул он. — Ты уж не обижайся, но твое вчерашнее тряпье воняло так, что у меня нос начало закладывать, еще когда мы на улице были. Потому я кое-что купил. Поешь и одевайся, — положив сверток на кровать, он резко повернулся спиной ко мне и вышел из комнаты.

Какое-то время я недвижимо сидела, смотря в пустоту. Лео приоткрыл мне дверь в жизнь той, о которой я уже давно перестала думать. Я всегда считала, что моя мать — это Нима. Она кормила меня, ухаживала, утешала, когда мне было плохо, не позволяла сдаваться, когда очередная болезнь укладывала меня на долгие недели в постель. Что уж говорить, я была сложным ребенком. Нима рассказывала, что одно время они с отцом думали, что я останусь инвалидом. В то время, когда Ким уже начал ходить, я могла лишь сидеть и ползать с трудом. Первые шаги сделала в два года, когда другие дети уже всюю бегали. Иметь такого ребенка в Ирэми — это непосильная ноша для многих. Но родители меня не бросили, не отказались. Когда я узнала, что Нимария мне не родная, я поняла, что люблю ее за это еще больше. Одно дело — тянуть родную кровиночку, и совсем другое, когда на руках — больной подкидыш... А еще, думая о Ливерае, я представляла себе властную, холодную, чужую тетку, которая не соизволила позаботиться обо мне как следует. Сейчас же, сидя в спальне Лео, я прощала и принимала ее. Я наконец-то поняла, кем была эта женщина. Ее мысли, чувства, что подарила она Лео перед смертью, всколыхнули весь мой внутренний мир, переворачивая его с ног на голову. Теперь-то я знаю: у меня две мамы, пусть одна из них мертва, а вторая, скорее всего, проклянет меня, когда узнает, что я не смогла...

— Так, все, есть, — громко шмыгнув носом, я притянула к себе первое, что попало под руку, и более старалась ни о чем не думать. Прав Лео, надо дать себе небольшой перерыв.

Оказывается, вовремя поесть — это подарить себе ни с чем не сравнимую радость. Вот и я, сыто откинувшись на подушках, постепенно начинала приходить в себя. А, чего уж там,

все решаемо! Главное не складывать ручки и не ждать, когда же будет лучше. Конечно, сейчас я самой себе напоминаю рыбака, застрявшего посреди океана в дырявой лодке. Только вычерпаешь воду, глядь — а ее уже в два раза больше.

Откинув в сторону простыню, я решительно поднялась с кровати и подошла к оставленному для меня свертку.

— Я убью тебя, златокудрая сволочь! — взревела я, словно раненый медведь, стоило облачиться в подаренные шмотки и предстать в них перед зеркалом.

Нет, конечно, я понимала, что ничего хорошего от этого мерзавца ждать не стоит, особенно когда он излишне долго ведет себя как «друг сердечный». Улыбается, не хамит, заботится. Похоже, это верный признак того, что совсем скоро он подложит тебе жирную свинью!

Первые неприятности начались с нижнего белья, которое состояло из веревочек и кружавчиков, что прикрывали лишь стратегические места, не более. Я, конечно, смутилась, но, учитывая, что кроме меня это никто не увидит, решила, что можно и надеть. В отдельном пакете нашлись сапоги из черной кожи на неимоверно высоком каблуке. В человеческих землях самый высокий каблук — это четыре сантиметра, здесь были все десять! И каблук этот был тонким, словно спица. Сами сапоги были выше колена и покрыты каким-то блестящим напылением. И все бы ничего, если бы не тот факт, что никаких штанов или юбки найти я не могла. Был только черный обтягивающий свитер длиной до середины бедра и с V-образным вырезом. Зачем на свитере такой вырез? Облачившись в то, что было, я встала перед зеркалом и посерела до кончиков волос.

Я, конечно, может, и не блещу умом, но кое-что поняла тут же. Никакой это не свитер — это платье! И ни штанов, ни чего бы то ни было еще не предполагается. Сорвав с кровати простыню и повязав ее на бедрах, я решительно направилась вниз, едва не растянувшись на полу с первым же шагом. Благо у кровати были стойки, в которые я и вцепилась. Далее шла медленно, по стеночке, но злость моя становилась все крепче. Почему не сняла сапоги, не знаю. Как-то не подумала...

Выйдя из спальни, я поняла, что путь мне предстоит долгий, потому как оказалась я в длинном коридоре, до конца которого предстояло еще добраться. Ноги постоянно подламывались, и я всерьез опасалась, что заработаю в этой обуви перелом голени. Но я ползла упорно и долго. Опираясь руками о стену, двигалась к своей цели. Стоило закончиться коридору, как я очутилась на широкой площадке, к которой примыкала длинная лестница. Благо хоть перила были. Оказавшись на ней, поняла, что к переломам ног может прибавиться и перелом шеи, но, вцепившись обеими руками в перила, громко и гневно сопя, я продолжила спуск. Эх, мне бы только до него добраться. Только бы доползти!

— Где ты, мерзавец?! — прорычала я, ступая на пол первого этажа. — Лучше выходи сам, а то хуже будет! Ой, — едва не упав, охнула я, вновь цепляясь руками за перила.

Откуда-то со стороны послышались легкие шаги и совершенно невозмутимый голос Лео:

— Ну что ты кричишь, сопишь, топаешь! Я только прилег, думаю: хоть днем подремать, коль уж ночью не дали! — Демон совершенно неожиданно возник рядом со мной. Из одежды на нем были лишь свободные черные брюки. Волосы были забраны в хвост, и весь его вид говорил о том, что он не ждал меня так скоро.

Я зло глянула на него, продолжая держаться за перила.

— Ну ладно, я не спал, но все равно, к чему столько шума? И что за... что ты на себя намотала? — недоумевая, покосился он на мой самодельный шлейф из простыни.

Это было последней каплей. Он еще спрашивает?!

— Ты что мне подсунул? — прорычала я.

Лео непонимающе посмотрел на меня, скрестив руки на груди.

— Еду, — как ни в чем не бывало заявил он.

— Что за одежду ты принес?!

— А что с ней не так? — Легкая улыбка коснулась его губ.

— Ты что? Смеешься? Я такое носить не стану!

— Очень даже зря. Так одеваются многие женщины на твоей родине. И я так устал от вида человеческих женщин, что решил хоть немного порадовать себя. Тем более, когда мы окажемся на Кайрусе, тебе придется привыкать к подобным нарядам.

— Что? Как на Кайрусе? — Из всего, что он сказал, больше всего взволновало меня именно это.

— Вот так, и об этом я хочу с тобой поговорить. Так что давай снимай свой павлиний хвост и пойдем в кабинет, — сказал он, поворачиваясь ко мне спиной и направляясь куда-то вглубь дома.

Некоторое время я злобно пыхтела ему вслед. Но он конечно же и не собирался обращать внимания на мои потуги. Затем, собрав всю волю в кулак и мысленно отметив для себя места, где бы я смогла, если что, схватиться за стену или мебель, чтобы не упасть, я мелкими перебежками засемила за ним.

Стало не важно ни то, во что он меня нарядил, ни то, как он порой говорит со мной. Ведь только что он сказал, что мы отправимся туда, куда мне совсем не хотелось. Я уже знала, на что способен этот демон, поэтому можно было и не помышлять о побеге или о том, что наша «игра» пойдет по моим правилам. Пока, во всяком случае, такой вариант был просто невозможен. Я реально оценивала свои познания в магии, силы и возможности. Я была котенком, который сбежал от доброй мамки, что неустанно следила, кормила, одевала, денег давала, образно выражаясь, конечно. Золотой же был матерый котище, привыкший жить сам по себе и давно не нуждающийся ни в чем из вышперечисленного.

Кабинет Лео оказался где-то в глубине дома. Пришлось долго идти по нескончаемому коридору. Странно, но здесь не было ни окон, ни дверей. Просто светло-серые каменные стены, ведущие куда-то в бесконечность. Единственное, что стоило бы отметить, так это наличие магической подсветки, которая загоралась и гасла, когда я проходила определенный участок. Честно сказать, я никак не могла понять, что это за дом такой вообще. Больше всего он напоминал гигантского паука с раскинутыми лапами коридоров, которые сходились у основной лестницы. Во всяком случае, пока мое впечатление было именно таким. И вот когда я уже подумала, что безнадежно отстала, впереди забрезжил свет.

— Ну наконец-то, — прошипела я себе под нос, стараясь ускорить шаг. Получалось плохо. Я лишь начала еще больше подворачивать ноги. — Вот стану владычицей, прикажу мужикам носить шикарные пятнадцатисантиметровые каблуки и маленькие набедренные повязки с тугими корсетами! Будете знать, извращенцы ненормальные, — продолжала бубнить я себе под нос в полной уверенности, что именно так и сделаю. — Я вам покажу, я вас воспитаю, я... ай! — особенно «удачно» подвернув щиколотку, вскрикнула я.

— Ну долго еще? — Немного раздраженный голос хозяина дома, донесшийся из-за приоткрытой двери, к которой я так упорно стремилась, заставил ускориться. И вовсе не

потому, что я испугалась. Скорее злость заставляла шевелиться. Казалось, вот я сейчас как выпрыгну, как выскочу — и все. Будем потом Лео с потолка отскребать. Каково же было мое удивление, когда, войдя в дверь, я оказалась не в помещении со столом, стульями, стеллажами для книг и прочей ерундой, что обычно впихивается в маленькую, ни в чем не повинную комнату, чтобы потом гордо именовать ее «личный кабинет». Это место можно было бы назвать только одним словом — ангар. Высокие, метров семь в высоту, потолки и широкое, устланное каменными плитами поле. Чтобы дойти до середины комнаты нормальным шагом, понадобится минут пять — десять, наверное. Под потолком висели магические светильники. Окон не было, других дверей, кроме той, в которую я вошла, — тоже. Простое голое пространство в каменном мешке.

Открывшаяся мне картина просто лишила меня дара речи. И посреди этого помещения стоял *он*. В одних брюках, босой, с забранными в хвост волосами. Лео смотрел на меня из-под опущенных ресниц, скрестив руки на груди. И вместо того чтобы казаться маленьким в этом огромном ангаре, он казался еще выше, еще больше и весомее. Как такое может быть? Словно всей его энергии было тесно здесь.

— Неужели дошла? — вовсе не громко сказал он, но я прекрасно его расслышала. И нотки сарказма, которые он и не думал скрывать, отчетливо звучали в голосе.

— Дошла, — сузив глаза на манер Лео и затаив дыхание, сказала я, делая шаг вперед. И почему я решила, что если не дышать, то ходить будет легче? Да еще демонова дверь захлопнулась, прищемив простыночку, которая тут же поползла на пол, нескромно открывая мои многострадальные ножки.

— А ну не тронь! — гаркнул он, увидев, что я наклоняюсь, чтобы высвободить свой «хвост». — Значит, так, деточка, я, конечно, понимаю, что ты сейчас под впечатлением от того, что я тебе показал. Но, пожалуйста, — это «пожалуйста» он буквально выплюнул мне в лицо, — давай сразу определимся с тем, почему ты все еще в моем доме и впредь будешь здесь проводить большую часть своего времени, делая только то, что скажу я.

Собственно, согласия моего никто не спрашивал, но я все равно кивнула в ответ.

— Я, как ты, надеюсь, уже поняла, все то время после твоего рождения нахожусь в опале, — неожиданно сказал он уже более спокойно. — И у меня была масса времени для того, чтобы расследовать смерть владычицы. На самом деле в ближайшее время я намеревался покинуть Тэймир, чтобы найти подтверждение своим выводам. Но, — здесь он выдержал паузу, — случилась ты. И, как бы то ни было, тебя я уже не брошу.

Мне стало как-то не по себе от этого «не брошу».

— Но и взять тебя с собой я пока не могу. Ты понимаешь почему?

«Да откуда мне знать?!» — чуть не рявкнула я. Но, взглянув в его «сочувствующие и полные понимания глаза», просто отрицательно покачала головой.

— Я не могу таскать у себя на закорках формирующегося демона. Судя по тому, что я вижу, до полного созревания у тебя еще полгода, так?

И снова я просто киваю в ответ, не зная, что ответить. Почему он так действует на меня? Странная нервозность и неуверенность в себе сковывали мой разум.

— И вот здесь у нас с тобой появляется первая закавыка, — странно прищурившись, продолжил он. — У меня теперь нет времени столько ждать. Это во-первых. Во-вторых, то, что я увидел в день нашего... хм... близкого знакомства, никуда не годится. И я собираюсь это исправить. Предвосхищая твои возражения и всякие глупые отговорки типа: «Не хочу, не буду», — скажу, что ни один демон, будь ты хоть трижды дочерью владычицы, не присягнет

тебе, видя перед собой слабого, тупого ребенка с капризами и детскими предрассудками.

На этой его фразе я почувствовала, как кровь приливает к щекам.

Вот, значит, какой они меня видят! И дело тут не только в Лео, а в них всех, на кого я смотрела, как на... Пришлось встряхнуть головой, отгоняя от себя некстати всплывший из омота памяти образ дракона.

— И если ты сейчас развернешься и выйдешь из этого дома, поверь мне, не пройдет и пары недель, как тебя найдут, нарядят в красивые тряпки, подыщут принца-симпатяшку раз в пять старше тебя, который при этом будет выглядеть твоим ровесником во всем. Будет отвешивать комплименты, рассказывать сказки, залезать под юбку, когда надо, до тех пор пока ты не станешь послушной собачкой, не способной постоять за себя и полностью зависящей от мнения окружающих. И чем раньше ты поймешь, что Совету невыгодно твое взросление и самостоятельность, что они не станут рисковать последней из Дома Серебряных и предпочтут посадить тебя на короткий поводок, тем лучше будет для тебя. Вряд ли кто-то из них обеспокоится научить тебя пользоваться тем, с помощью чего твои предки держали в узде нас всех. Поверь, даже когда твоя мать осталась одна, никто из демонов не решался ей перечить. Благо она не страдала самодурством и с ней можно было иметь дело. Но это так, к слову. Сейчас это не важно, — пожал плечами, сказал он. — Так вот, останешься со мной — и я тебя буду учить. Не думай, я не альтруист. У меня свои причины сделать из тебя демона Дома Серебряных, а не шлюху, послушную Совету, — его слова были резки, но не настолько, чтобы я не понимала, о чем он говорит. Я рассуждала примерно так же, но мягче, что ли.

— Пойми, милая, на Кайрус ты попадешь в любом случае. Но есть одна проблема, а точнее, даже не одна. Гарантировать, что ты будешь жить долго и счастливо, оказавшись там такой, какая есть сейчас, я не могу. А как один из вариантов — ты можешь окончательно отупеть за первые несколько лет пребывания там. Мы — демоны, мы можем быть такими, какими хотим. Лгать, развращать, затуманивать разум и переворачивать мировоззрение с ног на голову — это то, что мы умеем лучше всего. А ты, волей случая, росла в землях людей, воспитывалась не так, как принято у нас, многое, что я буду делать с тобой, покажется тебе зверством и дикостью, но только так ты потом выплывешь из того дерьма, куда, хочешь не хочешь, а нырнуть придется. Сейчас ты считаешь меня старым извращенцем, который ради своей похоти обрядил тебя невесть во что. Но вот еще кое-что, что тебе следует знать. Мир, к которому ты привыкла, — он только здесь, в Ирэми, в резервации, что создана специально для людей. Тут ничего не меняется вот уже несколько столетий, потому как эта страна замерла. То, что ты увидишь, когда мы покинем ее, полностью разрушит твое мировоззрение. Я собираюсь сделать это раньше, и не только это, потому привыкай. То, что на тебе, — обычное женское платье и не что другое. И, поверь на слово, я не так изголодался по женским прелестям, чтобы раздевать первую встречную.

Я слушала его, и у меня складывалось стойкое ощущение, что раз за разом мне втыкают острую иголку куда-то в грудь. Было и неприятно, и больно, и противно, столько всего смешалось внутри. Но самое ужасное, я понимала, что он не врет и кроме него со мной никто не станет говорить так открыто и без прикрас. А еще было стойкое чувство, которое не подчинялось никаким доводам рассудка, — я его ненавижу! Той самой иррациональной, детской ненавистью, когда ненавидишь просто потому, что тебе открывают глаза. Потому что уже никогда не будет, как раньше, если я останусь здесь. И потому, что он-то ни в чем не виноват! Просто уже ничего, никогда в моем мире не будет так, как раньше...

— И еще кое-что, — продолжал говорить он, — у тебя деньги есть?

Я даже не сразу поняла, что он спросил, а когда поняла, взяла и сказала:

— Да.

И не думайте, я соврала осознанно. Еще не хватало у него на шее сидеть!

— Хорошо. Имей в виду, если будут финансовые проблемы, то ты можешь обратиться ко мне, — спокойно ответил он, видимо, чтобы прояснить все до конца. — А теперь скажи мне, что ты думаешь о моем предложении? И учти: если согласишься, пойти на попятный не получится, уж ты мне поверь на слово.

Конечно, не получится. Это было понятно и без слов. И конечно, я могла гордо вскинуть подбородок, обозвать его самого «беглой шлюхой Совета», развернуться на острых каблуках, удариться головой о дверной косяк и гордо поползти на выход. И, думаю, тогда все его обидные слова обрели бы под собой твердую почву. Поэтому я просто сказала, что согласна. И решила, что как бы то ни было, но судьба все же помнит обо мне.

— Ты будешь жить в моем доме? — спросил Лео, практически уверенный в ответе.

— Нет, — отрицательно покачала я головой. Быть может, и денег у меня немного, и так было бы гораздо удобней, но должно же быть у меня хоть что-то свое! Я не имею в виду жилье. Скорее то, что люди называют «личным пространством», куда нет хода никому. — Я буду проводить здесь столько времени, сколько потребуется, но жить стану отдельно, — уверенно заявила я.

— Как хочешь, — ничуть не расстроившись, пожал он плечами. — Тогда сегодня можешь отдыхать, придешь ко мне завтра в девять утра, освободишься в девять вечера. Свою старую одежду найдешь в шкафу в той комнате, где ты проснулась. Это платье оставишь там и будешь носить его во время наших занятий вне спортзала.

— Спортзала?

— Да. Это, — он выразительно обвел взглядом огромных размеров ангар, — наш спортзал. Все. Ступай.

«Три кабана» ничуть не изменились с момента моего отсутствия. Все та же публика сидела за столами, наслаждаясь приготовленным ужином и разговорами под кружечку холодного пива. Кто-то обсуждал первые дни ярмарки, совершенные покупки или то, что уже удалось продать. Рита так же сноровисто обслуживала столики под строгим взглядом Торриса. Хозяин казался чем-то не на шутку обеспокоенным, но понять, в чем проблема, удалось, лишь когда я разместилась за свободным столиком, а он решил подозвать к себе служанку и заговорил:

— Послушай, ну сколько можно повторять, — гневно зашептал он, но мне прекрасно удавалось расслышать каждое сказанное им слово. — Мне нужно изменить твой график работы.

— Сколько я могу отвечать одно и то же? — не менее зло шикнула она в ответ. — Мои шансы найти приличного мужика и так практически равны нулю! А если я еще и по ночам работать буду? Что обо мне подумает будущий супруг?

— Какой супруг? А? У тебя даже ухажера нет, а ты уже о муже толкуешь!

— А откуда ему взяться, если ты хочешь перевести меня в вечернюю смену? Я не стану работать после девяти вечера! Нет и еще раз нет!

— Послушай, ведь это не бесплатно! Оплата за час будет как за два! И потом, я сокращу твои утренние часы.

— Торрис, нет! — фыркнула она, круто разворачиваясь спиной к хозяину и спеша к новому клиенту.

И без того полный мужчина, казалось, раздулся еще больше от переполнявшей его обиды или гнева. Но вот мне сейчас показалось, что подслушанный разговор — это просто знак судьбы. В голове крутились слова о работе после девяти вечера и о том, что оплата за час будет идти как за два! И, что уж говорить, лучшего варианта мне не найти, учитывая, что Лео вознамерился дрессировать меня с утра до вечера, а денег у него я брать не хотела. Конечно, меня не могло не беспокоить отношение клиентов к такого рода услуге и моя возможная реакция на их слишком вольные действия. Но то, что ничего плохого они мне сделать не смогут, как бы им этого ни хотелось, было совершенно точно. И потом, может, и не захотят они ничего подобного, тогда вообще никаких проблем не возникнет.

Откинув ненужные сомнения, я смело направилась в сторону Торриса. Мужчина, задумавшись о чем-то своем, смотрел невидящим взглядом в сторону зала, поглаживая свои пышные усы подушечками пальцев.

— Простите, — не слишком громко обратилась я к здоровяку. Должно быть, Торрис и впрямь о чем-то задумался, поскольку на мои слова отреагировал, лишь когда я позвала его в третий раз.

— А? — отозвался он, переводя взгляд на меня. — Чего тебе? Съехать решила?

— Нет, нет, — замахала я руками. — Понимаете, я слышала, что вам требуется разносчица на ночное время, это так?

Торрис окинул меня подозрительным взглядом и сказал:

— Да, так. А тебе-то что?

— Ну, обстоятельства складываются таким образом, что мне придется задержаться в городе на неопределенный срок. И мне предстоит работать днем, правда, зарплата на новом месте не слишком высокая. Вот я и подумала, что могла бы подрабатывать у вас вечерами. — Я старалась говорить как можно более непринужденно, чтобы не быть заподозренной в... да кто его знает, в чем. Лишь бы выглядеть со стороны как можно проще.

— Зачем же согласилась на такую работу, где тебе будут мало платить? — подозрительно сощурившись, спросил хозяин таверны.

— Ну так я в подмастерье к вышивальщице иду, — сказала я прежде, чем сообразила, как Лео смотрелся бы с пальцами в руках.

— К кому? — фыркнул Торрис.

— Зря вы так, — ответила я в тон хозяину таверны. — В наше время качественное кружево и вышивка очень ценятся, можно неплохо на этом зарабатывать.

— Богиня с тобой, — отмахнулся Торрис и тут же перешел к интересующей его стороне вопроса. — Мне нужна разносчица, которая работала бы с девяти до двух или трех ночи, смотря сколько клиентов.

— С половины десятого, — тут же встряла я.

— Это еще почему?

— Мастерница очень строгая, боюсь, раньше девяти не смогу уходить, потому прошу, чтобы моя смена начиналась с половины десятого. Когда будет заканчиваться, не имеет значения.

Раньше мне казалось, что устраиваться на работу — «дело плевое», как говорил порой мой отец. Ну сами посудите, что тут может быть сложного. Есть место, где требуется человек, и есть человек, которому это место подходит. Как выяснилось опытным путем, все

не так уж просто. Ну, во-первых, Торрис, решив, что я не в курсе обещанной двойной оплаты, пытался предложить мне стандартную почасовую. Но не тут-то было. На подобное я соглашаться не собиралась ни в какую.

— Что значит «не согласна»? — бушевал хозяин таверны уже всего через несколько минут после того, как мы решили обсудить детали.

— «Не согласна» означает то, что я слышала, сколько вы обещали платить за эту работу. Правда, если проживание на чердаке станет бесплатным, то я очень даже «за»!

— А может, мне проще нанять ту, которая не слышала о том, сколько я обещал за эту работу? — изогнув бровь, поинтересовался Торрис, облакачиваясь на стойку, за которой он стоял.

— Если бы так оно и было, то давно бы наняли, — фыркнула я. — И почему вы так себя ведете, а? Я думала: вы деловой человек, а сами торгуетесь из-за таких мелочей!

— Мелочей? — фыркнул Торрис. — Ладно, богиня с тобой, жить будешь бесплатно, — отмахнулся он от меня. — Форму возьмешь у Риты, и за нее придется заплатить.

— Чего? Я не стану платить за ношеное платье! — От таких разговоров я все больше начинала закипать.

— Но ты будешь в нем работать и соответственно изнашивать.

— Его уже, поди, и до меня изнасили неплохо.

— Я что-то начинаю сомневаться в правильности своего решения тебя нанять...

— А я — в том, что решила у вас работать.

— Эй! Не наглей! — постепенно мы переходили на повышенные тона, но уступать никто из нас не спешил. — Ладно, — неожиданно сдался Торрис. — Приступаешь завтра, — отмахнувшись от меня, буркнул он, а я, облегченно выдохнув, побрела к столику, чтобы наконец-то поужинать.

Утро началось, по обыкновению, рано. Только рассвело, когда я вновь проснулась от того, что панически зашлось сердце в груди. Я не помнила, что мне снилось, но горькое послевкусие осталось. Это было так странно, словно я всем своим естеством ощущала присутствие брата. Незримое, но такое явное. Чтобы хоть как-то избавиться от последствий сна, я разделась и залезла в бадью с холодной водой, которая успела остыть за ночь и которой вчера я так и не воспользовалась. Необходимо было заняться окрашиванием волос — они стали уже практически белыми. Со стороны казалось, что волосы покрыты легким слоем угольной пыли. Тянуть с этим было нельзя.

Со всеми процедурами я закончила где-то в шесть утра. Трактир был погружен в утреннюю дрему, и лишь повара начинали звенеть посудой, доставая кухонную утварь и разводя огонь в печи. Я сидела совершенно обнаженная на кровати, поджав под себя одну ногу. В этот момент я звала *его*. Но, как и всегда, ответом мне была лишь тишина.

— Неужели и ты оставишь меня?

Я не верила в собственные слова. Не верила, потому как знала, что такое в принципе невозможно. Но что же тогда? Где он? Почему не отвечает мне? Почему я не могу докричаться до него?

Я пришла к дому Лео задолго до назначенного времени. Не то чтобы я так его испугалась, что решила делать все даже лучше, чем «хорошо», просто в один момент поняла, что если продолжу и дальше сидеть на чердаке и думать, то просто сойду с ума. Голову, душу,

сердце переполняли мысли и чувства. Казалось, еще немного — и я просто взорвусь изнутри. Лопнет натянутая струна, оборвется что-то важное. Хотя куда уж еще-то?..

Выйдя из таверны, я практически бегом отправилась к знакомому особняку на окраине города. Может, если идти быстро, то холодный зимний ветер поможет избавиться от ненужных мыслей? Встреченные на улицах люди с любопытством оборачивались мне вслед, провожая недоуменными взглядами. А я бежала вперед, стараясь сделать самое простое и такое невообразимо сложное — не думать. Получалось плохо, но все же это было куда лучше, чем созерцать уже изученный до малейших трещинок потолок чердака.

— Чего стоим? Кого ждем? — Он подошел ко мне со спины совершенно бесшумно.

Я не почувствовала ни его запаха, ни звука его шагов, ни шороха одежды при ходьбе. Даже сердцебиения его не слышала. Потому, немного растерявшись, резко обернулась, тут же столкнувшись с ним взглядом. Янтарные глаза смотрели на меня тепло, с толикой насмешки, которая присутствовала практически всегда. Лео был одет в ту же куртку, что и вчера, капюшон все так же скрывал его волосы, но как-то неожиданно из прежнего незнакомца он превратился в... друга? Нет, это было бы преждевременно. Просто в знакомого? Тоже звучит как-то странно. Скорее в того, рядом с кем я больше не чувствовала себя столь безнадежно одинокой.

— Ну, насмотрелась? — Его губы изогнулись в кривоватой усмешке. — Чего так рано? Я, между прочим, еще не завтракал. Вот, — потряс он передо мной объемным бумажным свертком. — Только несусь. А ты уже тут как тут, — ворчливо добавил он, проходя мимо меня и поднимаясь по ступеням. — Если заходишь, то заходи сейчас, я не собираюсь открывать тебе дверь, когда ты выйдешь из состояния блаженного любования мной минут через десять, — добавил он, не оборачиваясь. — Можешь поглазеть, как я ем, так и быть.

Последние его слова не то что привели меня в чувство, а скорее взбодрили не хуже ледяного душа.

«Ну, гад, я тебе припомню!» — подумала я, догоняя его у самой двери.

— Я так и знал, что ты не устоишь перед таким предложением, — расплываясь в улыбке, от которой, помимо воли, у меня начинали подгибаться колени, добавил он, обернувшись.

Дом Лео снаружи казался скромным семейным коттеджем. Аккуратная кладка из красного кирпича, черепичная крыша, небольшой дворик — все выглядело очень мило и уютно. Думаю, мало кто из живущих в Тэймире догадывался, каких размеров этот дом изнутри. А скорее всего — никто. Один «спортзал» чего стоил! Помимо него была просторная гостиная, кабинет, несколько спален и богиня знает что еще! Я даже боялась представить, какие секреты хранит в себе этот дворец. Даже особняк Орэна казался крошечным и нелепым на фоне тех объемов, которые занимал этот небольшой с виду домик с черепичной крышей.

— Где мне тебя подождать? — спросила я, стоило нам оказаться в просторной прихожей.

— Что значит где? Я же обещал тебе, что разрешу посмотреть, как я ем, — фыркнул он, расстегивая кожаную куртку. Я поспешила последовать его примеру и скинула свой потрепанный полушубок. — Ой, прихорошилась? Для меня, что ль? — Изогнув бровь, он пристально осмотрел мои волосы.

— Мечтай, — рыкнула я в ответ. — Прежняя краска совсем выцвела, не понимаю, почему это происходит так быстро.

— Потому, — серьезно сказал он, — что любое вторжение твой организм расценивает как покушение на твоё здоровье и стремительно восстанавливает повреждения.

— От краски?

— Да, в том числе. То, чем ты красишь волосы, — это вредные вещества, как ни старайся — организм будет их отторгать. То же самое произойдет, если ты примешь яд. Конечно, есть и такие яды, с которыми даже демоническая сущность не справится. А так... Самое страшное, что тебе грозит, — это легкое недомогание. Ну или диарея, — хмыкнул он. — Идем, — позвал он, уводя меня за собой вглубь дома.

Мы шли недолго. Скоро Лео распахнул очередную дверь, которая, как оказалось, вела в просторную столовую, и, водрузив сверток на крепкий дубовый стол, сел на первый попавшийся стул (всего стульев было двенадцать).

— Присаживайся, — как бы невзначай буркнул он, разворачивая сверток.

— Ты живешь тут один?

— Да. А что, есть предложения? — поинтересовался он, раскладывая вокруг себя принесенную еду.

— Нет, просто дом такой большой... — Я решила игнорировать его колкости до тех пор, пока это возможно.

— Мне неудобно в маленьких комнатах и домах.

— Ты болен? — Я слышала от Элфи, что есть люди, которые боятся замкнутых пространств, может, и у Лео какая-то разновидность этой болезни?

— Нет, милая, — сказал он, улыбнувшись мне такой голодной улыбкой, что я десять раз пожалела о своем вопросе. — Я не люблю быть скованным стенами, понимаешь?

— Угу, — решив прекратить этот разговор, буркнула я. Сейчас и впрямь говорить расхотелось, куда интереснее было посмотреть на то, что такое он собрался есть...

В рационе Лео преобладало мясо, а еще было совсем немного овощей. Фруктов не было вовсе, впрочем, он же говорил, что их ненавидит. Разложив вокруг себя принесенную еду, он начал есть и даже не подумал о том, чтобы предложить мне. Я и впрямь смотрела на него во все глаза, но не потому, что мне нравилось за ним наблюдать. Погруженная в собственные переживания, я совершенно забыла позавтракать. И сейчас мой желудок призывно не то что урчал, он выл!

— Нет, — неожиданно фыркнул он, откладывая столовые приборы. — Я так точно подавлюсь! — и зло посмотрел на меня. — Знаешь, слушать заунывные трели твоего желудка — это удовольствие не для слабонервных. Так что, — он глубоко вздохнул и вежливо улыбнулся, — не желаешь ли позавтракать вместе со мной?

— Да, — коротко и ясно ответила я.

— Никакого женского очарования. Пококетничать не могла, что ли?

— Нет. Я хочу есть, — сказала я, посмотрев ему прямо в глаза. — Чего тут кокетничать?

— Всемиловитая Кайра, кто учил тебя манерам?

— А тебя? Мог бы сразу предложить!

Он ничего не ответил, лишь зашипел, когда пододвигал мне самую маленькую тарелочку из всех, что были на столе.

«Жмот», — подумала я, но отказываться не стала. А вместо этого сказала:

— Благодарю вас, — и улыбнулась так обворожительно, как могла.

— Ну и оскалилась, — хмыкнул он, выделяя мне при этом еще одну небольшую порцию. Мы ели в полной тишине, и лишь моя вилка изредка издавала неприятный звон, когда я

чересчур сильно прикладывалась ею к тарелке. Хотя Элфи и занимался нашим воспитанием весьма строго, но когда речь шла о голоде, я совершенно переставала собой владеть. Манеры, изящно взмахнув ручкой, уходили куда-то далеко, а на их место приходили голые инстинкты. Порой я думала, что попробуй у меня кто-нибудь забрать тарелку — и я непременно вцеплюсь в руку обидчика зубами, как голодная собака.

— Поела? — скорее констатируя факт, нежели спрашивая, сказал он, наблюдая, как я с тоскойзираю на две пустые тарелочки. — Если решишь завтракать у меня, предупреждай заранее, и я обо всем позабочусь. Ладно, — вздохнул он, — Твои манеры, этикет, танцы-шманцы — это не то, чему я буду тебя учить, но все же призываю: веди себя достойно, если ты понимаешь, о чем я.

— Понимаю, — буркнула я, как-то по-детски насупившись.

Лео ничего не ответил, лишь скептически вздернул бровь, оглядывая меня с головы до ног.

— Допустим, — коротко сказал он, а я отчаянно боролась с тем, чтобы не «посереть» от досады.

Я стояла в самом центре спортивного зала. Сегодня Лео заставил меня облачиться в темные брюки из хорошо тянущейся ткани, белую облегающую кофточку без рукавов, которую он велел называть майкой, и легкие тапочки на тонкой подошве. Сам же мучитель вырядился в просторные темные штаны и такую же майку, правда темную, а волосы забрал в пучок.

— Наша задача номер один, — сказал он, и его слова эхом отразились от стен зала, — сделать так, чтобы ты наконец-то поняла, кем являешься.

— Я знаю, кто я, — сказала я и тут же была прервана взмахом его руки.

— Когда мне понадобится услышать от тебя ответ, будь уверена: ты узнаешь об этом первой, — очень жестко перебил он меня. — Ты думаешь, что ты — Мара, человек, внутри которого живет непонятный уродец, периодически вырывающийся наружу. И ты совершенно не понимаешь, что ты и есть этот самый «урodeц».

— Ну спасибо, — буркнула я себе под нос.

— Еще раз перебьешь меня — пожалеешь, — тут же отозвался Лео, сверля меня практически черным взглядом. — Пока ты не научишься осознавать себя демоном, а не человеком, все твои тренировки, вся сила, которой ты обладаешь, будут бесполезными, если не сказать: опасными. И, хочу тебя заверить, даже если ты будешь отчаянно сопротивляться, я выковыряю демона из той скорлупы, в которую ты заключена.

После этих слов мне стало действительно не по себе. Даже желание сказать ему какую-нибудь гадость пропало.

— Ну перестань, это уже даже не смешно, — сквозь зубы цедил Лео, продолжая кружить вокруг меня. — Отпусти его, сколько можно? Просто отпусти!

И рада бы последовать его совету, поскольку правая рука уже практически онемела от нескончаемого града обрушиваемых на меня ударов, а левая вывернута и уже несколько секунд висит непослушной плетью. На губах запеклась кровь, и чувствую я себя так, словно меня скинули со скалы! Но несмотря на все его издевательства, единственное, что я смогла себе позволить, — это выпустить клыки и шипеть, словно гадюка. Сознание продолжало жестко контролировать тело. И когда только я успела этому научиться? Я держалась за ускользящие крупы здравого смысла, как за спасательный круг, вот только вместо того чтобы спасти, он топил меня еще больше.

— Ну как знаешь.

Он прыгнул на меня так стремительно, что я едва успела закрыть голову правой рукой. Вот только удар я получила не по голове, а в солнечное сплетение, отлетев на несколько метров и распластавшись на животе, судорожно пытаюсь сделать вдох.

— Вставай, надо поговорить, — сказал он, поворачиваясь ко мне спиной и отходя на несколько шагов.

Я с трудом поднялась на дрожащих ногах. До знакомства с Лео я думала, что запас моих сил безграничен; что я могу черпать столько энергии, сколько захочу; что усталость — это вообще не про меня. А если речь идет о схватке, то мне по силам куда больше, чем даже эльфу или вампиру. Быть может, оно и так. Но теперь я знаю точно: мне не выстоять против демона. Тем более когда та сущность, что порой приходила мне на помощь, затмевая своим сознанием мое собственное, почему-то не спешит поставить на место Золотого зазнайку.

— Мне кажется или кое-кто даже не пытался начать единение сознания?

— А? — непонимающе посмотрела на него я.

— Нет, как видно, мне не кажется! — рыкнул он. — Но я просто не могу понять почему!

— Да я вообще не в курсе, о чем ты говоришь! Мне никто никогда не объяснял, что я должна что-то там «единить»! Даже дэйург не...

— Кто?

Глубоко вздохнув, я поняла, что Лео много не знает обо мне. И кое-что ему, наверное, следует рассказать. Конечно, я не собиралась говорить с ним о последних событиях в моей жизни. Не потому что боялась его реакции или хотела сделать из этого великий секрет, вовсе нет. Просто пока не могла найти в себе ни сил, ни слов. Мне даже думать об этом было больно.

— Я спросил, что за дэйург, — подозрительно сощурившись, повторил свой вопрос Лео.

— *Мой* дэйург. — Я посмотрела ему прямо в глаза, ожидая его реакции.

Лео не сказал ни слова, лишь продолжал буравить меня потемневшим взглядом. Его темная бровь странно изогнулась, а на губах появилась ничего не говорящая мне ухмылка.

— Все же получилось, — усмехнулся он, проводя ладонью по подбородку. — И где же он сейчас? — спросил он.

— Подожди, — прервала я его. — Что значит получилось?

— Где твой дэйург? — словно не услышав моего вопроса, повторил он.

— Пропал, — коротко ответила я. — Но почему ты не отвечаешь на мои вопросы?

— А сама как думаешь?

Иногда мне кажется, что этот мужчина послан мне в наказание за все мои грехи. Он словно кара небесная, которая явилась раздражать, унижать, избивать и учить меня умуразуму! Он ужасен, с ним невозможно нормально общаться, он всегда говорит то, что хочет, и совершенно не считается с моим мнением!

подавив раздраженный вздох, я сказала:

— Не знаю, потому и спрашиваю.

— Ответ неверный. Перерыв.

Я шла по длинному коридору, бережно придерживая поврежденную руку. Регенерация уже началась, но, несмотря на это, ощущения были весьма болезненными. Лео, словно и не участвовал ни в какой схватке, легко шел впереди меня. На его коже в свете зажигающихся с каждым нашим шагом огней поблескивали маленькие бисеринки пота.

— Иди к себе в комнату, — тихо сказал он, когда мы вышли к центральной лестнице. — Прими ванну и переоденься, после спускайся, я буду ждать тебя здесь.

Сказав это, он отправился на второй этаж дома, оставив меня тяжело вздыхать внизу. Похоже, обучение превратится для меня в очередное хождение по мукам.

Я была готова через полчаса. Сегодня мое «платье-свитер» уже не казалось мне величайшим злом, каблуки сапог тоже были терпимыми, хотя ходила я все так же неуверенно.

Единственное, что продолжало меня смущать, так это открытость ног и то, что это будет видеть Лео. Но, поразмыслив немного, я решила, что не стоит думать о нем как о мужчине. Мне следовало научиться воспринимать его как учителя, наставника и тренера. Никакого личного отношения быть не должно. Это будет только мешать. Хватит привязанностей в жизни. Я не могу позволить своему сердцу страдать или волноваться. Не тогда, когда оно разбито. И не тогда, когда, закрывая глаза, я вижу их...

— Ну что же так долго? — отозвался Лео, стоило мне шагнуть на последнюю ступень лестницы.

— Прости, — коротко отозвалась я и тут же замолчала.

Лео картинно схватился за сердце и облокотился о стену, при этом он сильно зажмурился и всхлипнул.

— Ты извинилась?! Мне это не приснилось?

— Хватит паясничать. Я всегда извиняюсь, если не права, — как можно серьезнее сказала я.

— Какое глубокомысленное изречение. Стоит ли мне полагать, что прежде был не прав я? — хмыкнул он, скрещивая руки на груди и вопросительно изогнув бровь.

Сейчас Лео тоже переоделся, на нем были светло-бежевые брюки странного пошива и легкий, медового оттенка свитер. Выглядел демон бесподобно. Этого даже я не могла не признать.

— Ладно, давай присядем и кое-что обсудим, — предложил он, совершенно меняясь в лице. Словно сбросил одну маску, надел другую — и готово. Вот он был этаким нахальный подросток, а уже через секунду — взрослый, сосредоточенный на разговоре мужчина.

— Хорошо, — без лишних препирательств согласилась я.

Мы прошли в гостиную, где Лео расположился на диване, предложив мне занять кресло напротив. Комната была достаточно просторной, с высокими потолками, но обстановка в духе благородных домов Ирэми и выбранная цветовая гамма делали ее более уютной,

визуально уменьшая в размерах. Вся мебель была выдержана в одном стиле, немного помпезном. Стулья, диван и кресла были обтянуты дорогой тканью кофейных тонов, а их деревянные ножки украшала резьба. Лишь дерево, которое использовалось для создания каркаса мебели и стола, было темным.

Я опустила на краешек кресла, стараясь сесть как можно более аккуратно, чтобы не позволить и без того короткой юбке задраться еще выше. Получилось неважно, но я старалась, как могла.

— Хватит дергать подол, — не сдержавшись, буркнул Лео. — Милая, поверь, за свою жизнь я видел много женских ног, и не только. Твои прелести не войдут и в «топ-сто» из виденного мной, так что успокойся.

Я не стала отвечать на его колкость, тем более я не очень поняла, что такое «топ-сто». Но догадаться, что ничего приятного он мне не сказал, было несложно. Потому я просто решила расслабиться и приготовилась к предстоящему разговору.

— Спасибо, — кивнул он, указывая взглядом на мои лежащие на коленях руки. — Я хочу кое-что прояснить для нас двоих. Возможно потому, что я мало знаю о последних шести месяцах твоей жизни, сейчас мы не можем продвинуться вперед.

— Последних шести месяцев?

— Ну не совсем шести, — отчего-то замялся он. — Понимаешь, я всегда старался не терять тебя из виду и наблюдать за твоей жизнью, пусть даже с максимально далекого расстояния, чтобы ни в коем случае не привлечь к тебе ненужного внимания. Где-то раз в год я приезжал в Пограничье, пока ты была ребенком. Никогда не заходил в твой дом, не разговаривал с твоими родителями, но ведь этого и не надо в деревне. Достаточно послушать сплетни, задать пару наводящих вопросов, чтобы понять, что ты жива и относительно здорова. Но оставалась проблема с твоим энергетическим балансом. Тогда мне и пришла идея найти для тебя дэйурга...

— Да уж... Я помню, как взбесился мой дэйург, когда мы с ним прочли об этом в твоём письме. Только вот как ты это сделал, скажи?

— Можно я скажу *то*, что *хочу* сказать? — вопросительно изогнув бровь, спросил он. Я осторожно кивнула, а он продолжил: — Ваша встреча с дэйургом не была случайностью, как и его травма, как и то, что нашла его именно ты. На тот момент тебе было недостаточно того, что давал тебе этот мир. Вдали от Кайруса ты бы никогда не стала полноценным демоном. Энергетическое истощение не позволило бы начать трансформацию тела. Ты могла либо умереть во время своего преобразования, либо сойти с ума. Тебе нужен был источник. Ты и дэйург — вы получили куда больше, чем потеряли. словно сообщающиеся сосуды, вы уравновесили друг друга. Кроме того, это позволило возрасти вашим силам, а тебе — стать полноценным демоном за пределами Кайруса.

— Но все же как тебе удалось?

— Что сложного в том, чтобы переломать молодому дэйургу крылья и хребет? А потом затуманить разум недодемону и пострадавшему дэйургу? — риторически заметил он. — Сложно было притащить его туда, где на тот момент была ты, остальное — дело техники. Злишься? — спросил он, внимательно всматриваясь в мое лицо.

— Нет, — честно призналась я. — Если бы не ты, то я так и была бы одна...

— Печаль, тоска... Откуда такие эмоции у молодой девушки? — фыркнул он, откидываясь на спинку дивана. — Когда я узнал, что ты попала на обучение к человеческому магу, то в какой-то степени даже обрадовался. Знания были тебе необходимы. Пусть тебя и

учили не так, как принято у нас на родине, но это было лучше, чем ничего. Когда же ты поступила в МАМ, я потерял тебя из виду. Как ни печально это признавать, но МАМ не то место, где я мог бы остаться незамеченным. Но где носит твоего дэйурга? Я рассчитывал, что с ним ты повзрослеешь гораздо быстрее и что он многое объяснит тебе.

— Я не знаю, где он, — не скрывая горечи в голосе, сказала я. — Он исчез сразу после моего поступления в МАМ, хотя обещал прибыть следом за мной.

— Ясно, — сказал Лео, начиная выводить указательным пальцем воображаемые узоры на обивке дивана. — Что еще?

— В каком смысле?

— Что еще произошло? У меня такое ощущение, что твоя сущность скована по ногам и рукам без малейшего шанса на освобождение.

— Понимаешь, — тяжело вздохнув, начала я, — я так привыкла, что необходимо контролировать себя...

— Я спрашиваю не для того, чтобы получить ответ, подходящий для написания сочинения на тему «Сто слов обо мне», — фыркнул Лео, опираясь локтями на колени и ловя мой взгляд своим. — Я хочу знать настоящую причину, Мирта, — ухмыльнулся он, произнося мое вымышленное имя. — Ни один демон, даже самый выдержанный, не смог бы себя контролировать со мной. Почему ты не обращаешься? Почему отрицаешь себя? Вот вопросы, ответы на которые я хочу получить! Как вышло, что на твоём сознании блок, который способен поставить далеко не каждый демон, а?

— Я не знаю...

— Знаешь, — упрямо заявил он. — Еще как знаешь, но продолжаешь убегать от ответов, которые лежат перед тобой. Неужели так трудно понять, что это не вопрос выбора, быть тебе тем, кем ты родилась, или нет? Это вопрос выживания! Что гнетет тебя настолько, что ты ненавидишь себя от пальцев ног до кончиков волос? Что произошло с тобой? Что ты натворила, Майэ'раами?

С каждым его словом я понимала, что буквально проваливаюсь в бездну его золотых глаз. Мои руки и ноги наливались свинцовой тяжестью. Я не могла найти в себе сил ни пошевелиться, ни даже моргнуть. Я тонула и тонула в золоте его глаз, теряя себя, растворяясь где-то на самом их дне. И только когда он произнес мое имя, я словно провалилась в другую, некогда настоящую, но теперь бесконечно далекую реальность.

Руки эльфа стальным кольцом опоясывают мою талию. Мне это не нравится. Не хочу, чтобы он стоял так близко ко мне, ведь я слышу, как приближаются такие знакомые шаги. Это Дрэй? И Орэн? Да, кажется, это точно Орэн. Они идут к нам, а Лиам все так же крепко продолжает удерживать меня. Зачем он это делает? Чего добивается?

— Пусти, — шепчу едва слышно и отчаянно пытаюсь скинуть его руки, что так крепко удерживают меня.

— Я все понимаю. Но неужели ты думаешь, что и она сумеет понять?! — негодуяще шепчет Орэн.

— Я не знаю. — Дрэй отвечает коротко, не скрывая нервозности в голосе.

— Ты должен сам с ней поговорить, — продолжает настаивать маг. — Не мне тебе объяснять ее природу! Ты знаешь, что демоны не забывают обид! А если будет помнить она, то будущего у вас нет, — гневно произносит Орэн.

— Я знаю, — отвечает Дрэй.

— Что ты знаешь? Идиот! Это я знаю, что означает невеста у драконов! А она? Знает?

— Невеста? — спрашивает Лиам, наклоняясь к моему уху. — Что ты чувствуешь к этому дракону, а? Скажи мне, Майэ'раами.

Хотя я и знаю, что у меня за спиной стоит Лиам, но все же не могу избавиться от ощущения, что это не он. Тогда Лиам прижимает меня к себе сильнее, он снова спрашивает, и мои сомнения уходят. — Любишь его?

А я не могу найти в себе силы, чтобы ответить, и просто киваю в знак согласия.

Ноги путаются в складках длинного вечернего платья. Платья, которое подарила мне Айрин и которое должно было сделать меня особенной в этот вечер. Черное кружево быстро намокает от соприкосновения с мокрой травой, тяжелеет и облепляет ноги.

Сад МАМ. Как я здесь оказалась? Не помню.

Мысли в голове бродят так хаотично. С трудом удается воспринимать реальность адекватно.

Всего лишь на миг тяжелые облака расступаются, обнажая серп молодой луны, которая серебряным светом заливают поляну. Тяжелые капли, что украшают каждую травинку после недавно прошедшего дождя, вдруг превращаются в россыпь сияющих искр. Кружево моего платья тоже наливается серебром, но не светлым, а темным. Слышу, как заполняется окружающий мир звуками, как ветер шумит в кронах деревьев, как падают на землю тяжелые капли воды, как где-то далеко играет музыка и шуршат длинные юбки женщин, вальсирующих под чутким руководством своих партнеров. Я слышу биение их сердец, как течет кровь по венам. Сейчас я словно вижу наяву каждого человека и нелюдя, что находится за стенами МАМ. И я знаю: стоит мне захотеть — и я найду любого, никому не скрыться в эту ночь. Мои клыки удлиняются, а глаза превращаются в глянцево-черные провалы, на самом дне которых мерцают серебристые искры, словно отблески далеких звезд. Тело ощутимо подрагивает от избытка переполняемых эмоций. Но это нравится мне еще больше. Предвкушение — вот что напоминает эта дрожь.

Желание чего-то весьма многообещающего заставляло прислушиваться к окружающему миру. Я была одна и среди тысяч существ одновременно. Все они говорили, дышали, что-то делали. Обрывки бесед, происходящих за сотни метров вокруг, достигали сознания, но почему-то тут же становились неинтересными. Было чувство, что мое «я» ищет кого-то, но не может найти среди этого многообразия жизни вокруг.

Все изменилось, стоило мне услышать голос, который принадлежал едва знакомому, но отчего-то имеющему значение в моей жизни человеку.

— Я скучал по тебе, — прерывистый вздох. — Не представляешь, как мне было тяжело без тебя. — Шорох одежды, прикосновения кожи к коже, полный страсти стон. — А ты? Ты скучала по мне? — спрашивает он.

— Не представляешь как, — с трудом выговаривает она каждое слово. — Хочу тебя, — шепчет женский голос.

Я точно знаю, что этого разговора быть не должно. Сама не понимаю откуда, но я знаю этих женщину и мужчину. Кто они? Почему продолжаю слушать?

— Обними меня, хочу чувствовать твоё тепло, — продолжает шептать она.

Мне явственно слышится, как его руки скользят по её платью. Его сердце стучит все сильнее, а её, похоже, почти не бьется. Она так часто дышит, что, кажется, задыхается от страсти, но сердце её молчит, лишь иногда пропускает глухие судорожные удары.

— Мой мальчик, мой Ким. — Голос её теряется, словно тает в страсти, что эти двое

обрушивают друг на друга.

Она что-то сказала. Что-то важное, но никак не удается вспомнить что.

Внезапно обоняния достигает самый вкусный запах из всех возможных в этом мире, и одновременно с этим я слышу, как лопается кожа жертвы под клыками хищника. До меня доносится сдавленный стон смутно знакомого мужчины, образ которого вдруг становится невероятно ярким и четким.

Мне понадобилось всего несколько секунд, чтобы оказаться перед дверью той, кого я так ненавидела в этот момент. Я прожила не один год и знала, что такое злость и ненависть. Я испытывала эти чувства как любой нормальный человек. Вот только никогда в жизни я еще не ощущала всего этого как демон. Ярость, что жгла меня изнутри, казалась всепоглощающей. Она текла по моим венам жидким огнем, но не туманила разум, оставляя восприятие необыкновенно четким и ясным. И она подчиняла, ей было невозможно сопротивляться. Такая сладкая, такая притягательная, ей хотелось повиноваться.

В эту ночь я оказалась под дверью рыжеволосой вампирши не потому, что волновалась о брате. Нет, просто сегодня она решила забрать то, что принадлежало мне по праву. То, что всегда было моим. Она покушалась на мою собственность. Однажды я уже спустила ей с рук то, что она взяла мою силу, но не забыла об этом. Сегодня же она посягнула на то, чем я дорожила. Фрида вновь брала *мое!*

— Так и знала, что ты не оценишь широкого жеста, — прошипела я себе под нос, слегка толкая входную дверь.

Дверь слетела с петель, как если бы я не просто толкнула ее, а взорвала простым взмахом руки. Фрида, словно нехотя, как-то неловко оборвала свой «поцелуй», отрываясь от шеи брата. Она смотрела на меня так, будто не осознавала, что происходит. Ее зеленые глаза лихорадочно блестели, а сама она словно разрывалась между желанием вновь припасть к шее Кима и как-то отреагировать на мое присутствие. Я не стала ждать, когда она придет в себя. Мне было все равно, что между ними происходило. Было ли это их обычной прелюдией или она действовала без его согласия, не знаю, но сейчас она брала то, что по праву было моим. Это злило меня. Даже не так, это просто сводило с ума! Я наверняка знала: если сделаю первый шаг, то остановиться не смогу. Не захочу и не сумею. Моя цель была передо мной. Предвкушение чего-то сладостного, невероятного и возбуждающего вело вперед. Вампирша, которая стояла сейчас передо мной, словно чувствовала, что бежать бессмысленно. Она смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Фрида не кричала и не сопротивлялась, когда мои пальцы сомкнулись на ее тонкой шее. Я не ощущала ее веса, когда одним движением обрушила хрупкое тело о каменную стену.

Короткий вдох — и невероятный, сладостный аромат силы, что плещется в ней, затмевает сознание. Это моя сила, и она должна быть во мне. Она не может принадлежать никому, кроме меня.

«Никому! Мое!» — рычит внутренний голос, не желая упускать свою добычу.

Я смутно помню, как укусила ее. Но те ощущения, что нахлынули потом... Порой на грани между сном и явью я могу вспомнить их, и тогда мне хочется вновь испытать нечто подобное. Я ненавижу себя за это... ненавижу... Стыд и непонимание приходят ко мне в эти моменты. Кем стала я? Кем стану? Несмотря на то что именно она отняла *его*, я не могу принять того, что сделала я.

Когда пить стало тяжело, словно внутри девушки ничего и не осталось, некоторая осознанность происходящего вернулась ко мне. Но то, что я вернула часть себя, не принесло

удовлетворения. Мне хотелось еще! Ярость не перестала кипеть в венах, не угасла и не исчезла.

Мои руки медленно потянулись к лицу Фриды. Я не делала ей больно. Со всей холодной жестокостью я словно ласкала кожу на ее шее и лице. Когда мои ладони оказались на ее висках, то внутри вспыхнула ни с чем не сравнимая волна отвращения, которая тут же нашла выход в действии.

Я не знаю, почему поступила в этот вечер так, как поступила. В себя я пришла, стоя возле догорающей времянки в горах. Мне никогда не забыть эти искры, стремящиеся ввысь, и снег, что шел в то утро...

— Это причина, по которой ты не даешь себе шанс? — Голос Лиама раздался со спины.

Его руки вновь заключили мою талию в кольцо.

— Наверное, — ответила я, отчего-то очень хорошо понимая, о чем конкретно он говорит.

Мы стояли обнявшись на заснеженном склоне горы. Маленькие пушистые снежинки кружили вокруг нас. Сейчас он вместе со мной смотрел на то, как догорает тело брата. Смотрел и молчал. Молчала и я.

— Иногда мы опаздываем. Так бывает не только с людьми...

— Я понимаю, — тихо ответила я, прислонившись головой к его плечу.

— Тогда что? Что не так? Расскажи мне, в чем причина? — зашептал он мне на ухо. Его голос завораживал, словно убаюкивая. И в то же время Лиаму было невозможно не ответить.

— Это моя вина.

— Почему ты так думаешь?

Сделав глубокий вдох, я слегка повернула голову, чтобы видеть его лицо. Но все, что могла увидеть в таком положении, — это лишь подбородок и губы.

— Потому что, не будь меня, Ким прожил бы долгую жизнь простого человека. Он никогда бы не познал силы, не предназначенной ему, и Фрида никогда бы не почувствовала ее в нем.

— А что еще? Чего ты боишься?

— Хм, разве мало того, что я уже сказала?

— Для такой, как ты, — да, — улыбнулся он уголками губ.

— Я не могу забыть... — неожиданно начала я говорить то, в чем не решалась признаться даже самой себе. — Вкус той девушки... Не могу забыть, как это — держать чью-то жизнь в своих руках... — Сказав все это, я неожиданно поняла, насколько пугает меня то, что живет внутри. Но все же мне хотелось испытать это вновь.

— И? — подтолкнул меня Лиам.

— И я ненавижу себя за это...

Я лежала, свернувшись калачиком на том самом диване, где сегодня сидел Лео. Не сразу мне удалось встать, так как кто-то весьма заботливо укутал меня в толстое одеяло. Но где-то с третьей попытки я все же высвободилась из своего кокона. Я помнила, как мы с Лео пришли в эту комнату, чтобы поговорить. Хорошо помнила, что потом мы обедали, а после... Кажется, я так наелась, что мне захотелось спать?! Ну прямо младенчик: наелась и отвалилась! Давненько со мной такого не случалось.

Комната погрузилась в густой полумрак, лишь из приоткрытой двери лился тусклый свет. Огромный дом Лео казался совершенно пустым: ни шороха, ни звука. Только слышно,

как равномерно перемещается по циферблату стрелка часов. Должно быть, уже вечер, раз так темно и тихо. Но где же сам хозяин дома?

— Проснулась, — раздался у меня над ухом хриплый шепот.

Это было так неожиданно, что, казалось, у меня волосы на затылке встали дыбом. Я не слышала ни его шагов, ни дыхания! Он подкрался, словно просто возник из ниоткуда.

— Ты чего так подкрадываешься?! — вместо ответа воскликнула я, резко оборачиваясь.

Он стоял за спинкой дивана, скрестив руки на груди. Словно был тут все это время.

— Я? — фыркнул он. — Если ты глухая, разве я виноват?

— Тем более, раз знаешь, что я не слышу, мог бы покашлять, что ли?

Он постоянно выводит меня из себя. Я прекрасно понимаю, что причины злиться нет, но он так бесит меня. Одним своим видом, взглядом, присутствием!

— Может, лучше чихнуть?

— Да хоть п... — Я вовремя решила закрыть рот и постаралась сменить тему. — Который час?

— Восемь сорок пять, а что?

— Восемь сорок пять, — очень медленно повторила я, пытаясь вспомнить, что же такого я планировала на вечер.

— Ну да. Что-то случилось?

— Да! Святая богиня, я опаздываю! — встrepенулась я, только сейчас вспомнив, что уже меньше чем через час должна приступить к работе.

Решительно скинув сапоги на высоком каблуке и подхватив их одной рукой, я направилась в сторону выхода.

— И куда мы собрались? — несколько лениво поинтересовался Лео, следуя при этом за мной.

— Домой, конечно, — отмахнулась я. — Мы договаривались, что у тебя я буду с девяти утра до девяти вечера, так?

— Ну, это если учесть, что мы будем тренироваться, а не спать, сожрав при этом всю мою еду!

Я аж споткнулась от последних его слов. Так обидно стало, ну честно! Я что, виновата? Я своим организмом последний год вообще управлять не могу!

— Куском хлеба попрекаешь? А еще предлагал деньги у тебя просить, если что! — повернувшись, сказала я.

— Не попрекаю, а просто констатирую факт, — спокойно ответил он. — И поскольку ты проспала около семи часов, то за тобой штрафное время.

— Хорошо, — согласилась я, решив прекратить этот спор, поскольку и впрямь сильно опаздывала. — Только сейчас я и правда занята. Давай разберемся с этим чуть позже, идет?

— До завтра, — только и ответил он мне.

Этим вечером таверна больше всего походила на разбуженный улей. Поскольку ярмарка была в самом разгаре, то и все места на постоялом дворе были заняты. Но, судя по всему, сейчас в обеденном зале собрались не только постояльцы, но и те, кто просто желал найти место, где можно поужинать или выпить. Не было ни одного свободного стола. Люди и нелюди пили, ели и говорили. Гам стоял такой, словно каждый из присутствующих старался перекричать другого.

Стоило мне переступить порог, как ко мне тут же поспешила Рита. Женщина выглядела

уставшей и запыхавшейся. Ее лицо лоснилось от пота, а глаза лихорадочно блестели. В руках она держала увесистый поднос, уставленный пустыми мисками и кружками.

— Ну наконец-то ты пришла! — воскликнула она, пытаясь докричаться до меня. — Скорее ступай на кухню и переодевайся! Моя смена, между прочим, уже закончилась! — зло посмотрела она на меня. — А ты опаздываешь!

— Извини, — коротко бросила я разносчице, решив не доказывать, что пришла пусть и не заранее, но вовремя.

Форма, выданная Торрисом, превзошла все мои ожидания! То, что платье будет не первой свежести, я предполагала, но то, что оно окажется коротким и широким, неприятно меня удивило. Конечно, по человеческим стандартам, я была слишком высокой и худой. Но все равно надеялась, что все будет не столь плачевно.

— Наверное, я похожа на вешалку? — пробурчала я себе под нос, стараясь осмотреть себя. — Грудь и так нет, а тут такое декольте, — продолжала жаловаться я самой себе, оттягивая горловину платья и уныло всматриваясь в образовавшееся пространство. — Как большой карман под шеей...

— Готова? — В небольшую каморку, где я переодевалась, ворвалась Рита. — О богиня... — пробормотала она, осматривая меня с головы до ног. — Я предполагала, что ты худенькая, но уж никак не думала, что настолько.

— Я тоже, — фыркнула я, завистливо осматривая пусть и не слишком красивые, но все же округлости Риты.

— Давай попробуем тебя утянуть, — неожиданно предложила она.

Должно быть, столько тоски сейчас было в моем взгляде, что даже Рита не выдержала и сочувственно вздохнула:

— Ну не расстраивайся. Выйдешь замуж, даст богиня. Будет муж хорошо зарабатывать — откормит!

— Это вряд ли...

— Ну да, для начала нужно, чтобы он на тебя внимание обратил...

Думаю, не стоит говорить, что я и Рита имели в виду разные вещи. Но все равно было обидно.

В зал я вышла несколько позже, чем это планировалось. Рита, затянув все возможное и невозможное на платье, просто вооружилась иглой и нитками и очень быстро подобрала все лишнее. Может быть, вышло не слишком аккуратно, но, по крайней мере, платье держалось и не соскальзывало с плеч каждый раз, стоило мне сделать шаг.

— Эй, примет у меня кто-нибудь заказ? — раздался голос изрядно выпившего мужика, стоило мне оказаться в душном зале таверны.

— Да, чего желаете? — подошла я к столу, который он занимал вместе с друзьями.

— Пива, девка, больше пива!

— Да...

Именно так начался мой первый рабочий день (точнее — ночь) в таверне «Три кабана». Не было в этой работе ничего чарующего, интересного или привлекательного. Это была работа, на которую я согласилась, чтобы хоть в чем-то перестать зависеть от других. Она не нравилась мне, но была необходима.

Я по пояс утопала в снегу.

На следующий день после того, как я заснула в доме Лео, он заявил, что нам просто необходимо отправиться в лес. На вопросы: «Зачем?», «Что есть в лесу такого, чего нельзя сотворить дома?» и «Куда ты меня привел?» — Лео отвечал примерно так:

— Куда надо, туда и привел. Ты так много болтаешь, у меня от тебя голова болит!

Или так:

— Перестань пыхтеть, зачем ты это делаешь? Специально сопишь, чтобы у меня уши заложило?

Ну или так:

— Молчи и иди.

Одним словом, он был не в духе. Или же в нормальном для себя состоянии? Кто знает? Лично я пока затрудняюсь сказать, что собой представляет этот демон, какой он настоящий. Одно знаю точно: он выводит меня из себя в любых своих проявлениях.

Мы шли уже несколько часов, все дальше углубляясь в самую чащу леса, что опоясывал город. Сегодня был ясный день. Скупое зимнее солнце заставляло снег сиять и переливаться, словно это россыпь серебряных песчинок. Вековые ели и кедры, укутанные в дорогие шубы, снисходительно и величаво смотрели на нас. А Лео неумоимо вел меня вперед.

— Хоть бы снегоступы для меня взял, — фыркнула я, рассекая снежное пространство собственным телом.

— Зачем? Посмотри на меня. Если я могу идти нормально, значит, и ты можешь, но не хочешь.

Это была чистая правда. Лео ступал по снегу и не проваливался, даже следов не оставлял, в то время как я шаг за шагом утопала все больше.

В какой-то момент окружающий нас лес расступился, открывая взгляду широкую, занесенную снегом поляну.

— Пришли, — коротко сказал он, останавливаясь на самом ее краю.

Я подошла ближе к нему и только сейчас поняла, что в таком положении едва достаю ему до бедра. Мое тело было погружено в снег почти по грудь. Посмотрев на демона снизу вверх, спросила:

— Ну и зачем мы сюда пришли?

— Мм... Ну как тебе сказать, мы пришли сюда, чтобы стать ближе...

— Что? — широко распахнув глаза, уставилась я на него.

— А что? По-моему, достойная цель, — ухмыльнулся он. — Я хочу, чтобы ты увидела меня и показала мне себя, — присев рядом со мной на одно колено, так, чтобы наши лица были на одном уровне, сказал он. Его губы изогнулись в улыбке, такой соблазнительной и дерзкой, что я, кажется, забыла, как дышать. И в этот момент он... подмигнул мне.

— Ты совсем дурак? — искренне поинтересовалась я, потому как просто перестала понимать, что такое он творит.

— Нет, — очень серьезно ответил он. — Не совсем.

Одним резким движением он поднялся на ноги и отошел от меня на несколько шагов, после чего расстегнул куртку и кинул ее на снег.

— Что ты делаешь? — непонимающе смотря на то, как он распускает волосы, спросила я.

— Уже сказал тебе. Хочу, чтобы ты посмотрела на меня.

— Зачем мне смотреть на то, как ты раздеваешься?

— О Кайра, — как-то устало вздохнул он, обратив взгляд к небу. — Молодость не

грех... — пробормотал он и снова взглянул на меня. — О чем ты думаешь, женщина?! — искренне возмутился он.

— О том, что ты делаешь! Затащил меня в лес, а теперь решил показать себя во всей красе?! Ты... что ты творишь?! — искренне возмутилась я, когда он начал стягивать свой свитер.

— Показываю тебе свое истинное лицо, — хмыкнул он, откидывая свитер в сторону и теперь стягивая тонкую майку, очень похожую на ту, в которой вчера тренировался вместе со мной.

— Что-то я сомневаюсь, что лицо находится где-то под одеждой, — пробурчала я, не зная, куда спрятать взгляд, чтобы не показать, насколько я смущена.

— Да перестань, ты что, разве не видела меня в одних брюках? Смею напомнить, что в ночь, когда мы с тобой основательно поговорили, мы спали вместе, да еще и...

— Не напоминай мне об этом! — выкрикнула я.

— Да что такого? Это, — выразительно ткнув себя пальцем в грудь, сказал он, — всего лишь тело! Я даже брюки снимать не буду, если ты так смущаешься, — расхохотался он. — Хотя нет, снимать не буду не поэтому. Холодно очень, — фыркнул он, снова подмигнув мне.

— А я хочу тебе напомнить, что меня воспитывали не так! Это ты, — обличающе указав на него пальцем, рыкнула я, — развратник!

— Кто? — Казалось, что глаза Лео стали в два раза больше, а лицо вытянулось от удивления. Но после неожиданной паузы лес огласил его смех. Такой чистый и открытый, что невольно захотелось смеяться вместе с ним.

Наконец он заговорил вновь, но на этот раз очень серьезно и сдержанно.

— Послушай, если я хочу женщину, то приглашаю ее не в лес, чтобы порезвиться в сугробах, а в место более уютное и располагающее... э-э-э... к разврату, — фыркнул он.

Только я набрала в легкие побольше воздуха для достойного ответа, как тут же поперхнулась, потому как произошло сразу несколько вещей. Словно волны от упавшего на дно пруда камня, на меня накатили изменения в энергопотоках. По краям поляны, на которой мы находились, стали сплетаться причудливыми узорами силовые нити, накрывая ее как куполом. Колдовство, творящееся сейчас, было на несколько порядков выше того, чему учили в МАМ. То, как охотно повиновалась Лео энергия, было непостижимо. Тончайшие нити тянулись друг к другу, сплетаясь в невероятный по своей сложности узор, они, будто дикий вьюнок, поднимались все выше и соединялись в одной точке над самым центром поляны.

Майка Лео упала на снег, и стоило мне обратить на это внимание, оторвавшись от творящейся магии вокруг, как я тут же натолкнулась на его глянцево-черный взгляд. Его волосы жидким золотом струились по мерцающей коже, доходя до самого пояса. На самых кончиках вспыхивало и гасло золотое пламя. На дне его глаз точно так же кружились искры, словно капли солнечного сияния. Он стоял на снегу, обнаженный по пояс, и казался воплощением силы.

[Купить полную версию книги](#)